LADY
FANTASY
ОТБОР
КИРА КАСС
Для 35 девушек — это шанс, выпадающий один раз в жизни.
Шанс порвать с постылой жизнью, на которую они были
обречены с рождения. Шанс оказаться в мире роскошных
нарядов и сверкающих драгоценностей.
Шанс завоевать сердце великолепного принца.
АЗБУКА

Отбор

Кира Касс

Отбор

«Азбука-Аттикус»
2012

Касс К.

Отбор / К. Касс — «Азбука-Аттикус», 2012 — (Отбор)

Для 35 девушек это шанс, выпадающий один раз в жизни. Шанс порвать с постылой жизнью, на которую они были обречены с рождения. Шанс оказаться в мире роскошных нарядов и сверкающих драгоценностей. Шанс завоевать сердце великолепного принца.Однако Америка Сингер не хочет участвовать в этих состязаниях. Она не хочет бороться за корону, не хочет жить во дворце. Ведь ради этого ей придется разлучиться с любимым.Но когда девушка встречает принца, ее начинает мучить вопрос: сравнима ли жизнь, о которой она мечтала, с той, которую она себе даже представить не могла… Впервые на русском языке!

© Касс К., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 33
Глава 7 40
Глава 8 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Кира Касс
Отбор

The Selection
by Kiera Cass
Copyright © 2012 by Kiera Cass
All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Привет, пап!
(машет лапкой)

Глава 1

Когда мы получили письмо, мама была на седьмом небе от счастья. Она уже размечталась, что наши проблемы навсегда остались в прошлом. Основной загвоздкой в ее блестящем плане оказалась ваша покорная слуга. Не то чтобы я была особенно строптивой дочерью, просто всему есть предел.

Не хотела я вступать в королевскую семью. И Единицей становиться тоже не хотела. Даже не думала пробовать.

Я спряталась в своей комнатушке – единственном месте, где можно укрыться от гомона многочисленных родственников, – и попыталась найти какой-нибудь довод, способный поколебать матушку. Все, что у меня имелось, – это набор твердых убеждений… Едва ли она прислушается хотя бы к одному.

Таиться и дальше было невозможно. Дело шло к обеду, а обязанность готовить его возложена на меня как на самую старшую из оставшихся в доме дочерей. Я заставила себя вылезти из постели и отправилась на растерзание.

Мама встретила меня мрачным взглядом, однако ничего не сказала.

В молчании мы сновали по кухне и столовой: приготовили цыпленка, пасту и яблочные дольки, накрыли стол на пятерых. Поднимая глаза, я всякий раз натыкалась на испепеляющий взгляд матери, призванный, видимо, устыдить меня и заставить одуматься. Время от времени она прибегала к этому приему. Например, если я отказывалась браться за какой-нибудь заказ, потому что желающая нанять нас семья славилась грубостью. Или если она хотела, чтобы я сделала генеральную уборку, когда мы не могли себе позволить пригласить для этих целей кого-нибудь из Шестерок.

Иногда ее тактика срабатывала. Иногда нет. Но в данной ситуации я готова была стоять насмерть.

Она терпеть не могла, когда я упрямилась. Впрочем, эту черту характера я унаследовала от нее, так что она не должна слишком удивляться. Правда, на сей раз дело было не только во мне. В последнее время мама вообще была на взводе. Лето подходило к концу, надвигались холода. А с ними и заботы.

Мама недовольно бухнула в центр стола кувшин с холодным чаем. При мысли о чае с лимоном у меня потекли слюнки. Терпение, сказала я себе: если выпить положенный мне стакан сейчас, потом придется запивать еду водой.

– Ты не умрешь, если заполнишь заявку, – прорвало ее наконец. – Участие в Отборе – отличный шанс для тебя! Для всех нас.

Я тяжело вздохнула: это мероприятие вполне может оказаться для меня смертельным.

Ни для кого не секрет, что королевский дворец то и дело подвергался яростным атакам повстанцев. Обитатели подземных колоний ненавидели Иллеа – нашу большую и относительно молодую страну. Нам в Каролине уже доводилось видеть их в деле. Тогда дотла сожгли дом одного из членов суда, а нескольким Двойкам разбили машины. Как-то раз они устроили громкий побег из тюрьмы. Но, учитывая, что вытащили оттуда только девушку-подростка, которой не повезло забеременеть, и Семерку, у которого дома остались девять детей, невольно приходили мысли, что в данном случае правда на их стороне.

Но проблема не только в потенциальной опасности. Просто любые размышления об Отборе казались мне предательством. Вспомнив о причинах, которые имелись у меня на то, чтобы оставаться дома, я не смогла сдержать улыбку.

– Последние годы отцу приходилось ой как несладко, – прошипела мама. – Будь у тебя хоть капля жалости, подумала бы и о нем.

Папа. Да. Я действительно хотела помочь ему. И Мэй с Джерадом. И наверное, даже маме. Слишком долго нам всем приходилось туго. Интересно, папа согласится с подобным способом поправить положение дел? Есть ли такие деньги, которые позволяют все оправдать?

Не то чтобы наши дела были настолько плохи. Мы не балансировали на грани голодной смерти или что-нибудь в этом роде. Мы не нищие, нет. Но и состоятельными нас тоже едва ли можно назвать.

Мы занимались искусством. А художники и музыканты находились всего лишь в трех шагах от грязи. В самом буквальном смысле – от самых низов нашу касту отделяли три ступени. Денег частенько не хватало, а доходы всецело зависели от времени года.

Помню, читала в какой-то потрепанной исторической книжке, что раньше все главные праздники были сосредоточены в зимние месяцы. За каким-то Хеллоуином шел День благодарения, потом Рождество, а за ним Новый год. Впритык друг к другу.

Рождество никуда не делось. День рождения божества ведь не перенесешь. Но после того, как государство Иллеа заключило мирный договор с Китаем, Новый год стали праздновать в январе или феврале, соотнося с фазами Луны. Все отдельные благодарственные торжества и дни независимости в нашей части мира теперь превратились просто в Праздник благодарности. Его отмечали летом. Мы восхваляли основание Иллеа и радовались, что до сих пор существуем.

Что такое Хеллоуин, я не знала. Этот праздник не возродился.

Так что по меньшей мере трижды в год все семейство в полном составе оказывалось занято. Папа с Мэй писали картины, и наши постоянные клиенты раскупали их на подарки. Мы с мамой выступали на вечеринках: я пела, а она играла на рояле. Не отказывались ни от одного заказа. Будучи помладше, я до ужаса боялась выступать перед публикой. Теперь же просто старалась слиться с музыкой. В конце концов, с точки зрения нанимателей, мы именно так и должны были себя вести: нас хотели слышать, но не видеть.

Джерад пока что не нашел свой талант. Впрочем, ему всего семь. У него еще есть время.

Вскоре опадет листва, и наш маленький мирок снова погрузится в хаос. Пять ртов на четверых работников. Никаких гарантий стабильного дохода до рождественского сезона.

Когда я задумывалась об этом в таком ключе, Отбор казался чем-то вроде спасительной веревки, чем-то надежным, способным вытянуть меня из мрака, а вместе со мной и мою семью.

Я покосилась на маму. Для Пятерки немного грузновата, что удивительно. Она не страдала обжорством. Да и объедаться нам особо нечем. Видимо, так начинаешь выглядеть, выносив и родив пятерых детей. У нее рыжие волосы, совсем как мои, если не считать многочисленных серебристых прядей. Они вдруг появились у нее в большом количестве года два назад. В уголках глаз прорезались морщинки, хотя лет ей не так уж много. Двигалась она так, словно на плечах покоилась какая-то незримая тяжесть, пригибавшая ее к земле.

Ей нелегко – это я понимала. И осознавала, что именно поэтому она избрала в общении со мной тактику манипуляции. Нам приходилось постоянно бороться за выживание, но по мере того, как приближался скудный на развлечения и заработок осенний сезон, мама становилась все более и более раздражительной. Естественно, она считала мое поведение неразумным. Ну что мне стоит заполнить какую-то дурацкую заявку!

Но в этом мире были вещи – важные вещи, – которые я любила. А этот листок бумаги представлялся мне каменной стеной, способной отгородить меня от того, что я хочу. Возможно, мои мечты – глупость. Возможно, им не суждено осуществиться. И все же это мои мечты. Казалось неправильным поступаться ими, как бы много ни значила для меня семья. И потом, я и так уже почти всем ради них пожертвовала.

Когда Кенна вышла замуж и Кота ушел от нас, я осталась за старшую и изо всех сил старалась соответствовать. Училась урывками, если выдавалась свободная минутка между репе-

тициями, которые занимали почти все мое время. Вдобавок к пению пыталась овладеть еще несколькими музыкальными инструментами.

Но теперь, когда пришло письмо, все это перестало иметь какое-либо значение. В мамином воображении я уже была королевой.

Будь я немного умнее, засунула бы куда-нибудь эту дурацкую писульку, пока не вернулись папа с Мэй и Джерадом. Но мама припрятала послание где-то в складках одежды, а затем, в разгар обеда, торжественно извлекла злополучный документ.

– «Семейству Сингер», – пропела она.

Я попыталась выхватить у нее письмо, но она оказалась проворней. Рано или поздно все бы узнали обо всем, но теперь они будут на ее стороне.

– Мама, пожалуйста, – взмолилась я.

– Хочу послушать! – закричала Мэй.

Это меня не удивило. Младшая сестренка, несмотря на три года разницы, точная моя копия. Впрочем, схожи мы с ней только внешностью, но никак не характерами. В отличие от меня она общительная и неунывающая.

А в последнее время еще и повернута на мальчишках. Сестра решит, что это все страшно романтично.

Я почувствовала, что краснею. Папа промолчал, а Мэй прямо-таки подпрыгивала на месте от восторга. Джерад, маленькое солнышко, ел как ни в чем не бывало. Мама откашлялась и прочла:

– «По данным недавней переписи населения, в настоящее время в вашем доме проживает незамужняя женщина в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Мы хотели бы оповестить вас о предстоящей возможности оказать честь великому народу Иллеа».

Мэй снова заверещала и сжала мое запястье:

– Это про тебя!

– Я знаю, мартышка ты мелкая. Отпусти, переломаешь мне кости.

Но она лишь цеплялась за мою руку и подпрыгивала.

– «Возлюбленный наш принц Максон Шрив, – продолжала между тем мама, – в этом месяце достигнет совершеннолетия. Вступая в новый этап, он надеется обрести верную спутницу жизни в лице одной из жительниц Иллеа. Если ваша дочь, сестра или подопечная, отвечающая вышеуказанному условию, желает получить возможность стать невестой принца Максона и почитаемой принцессой Иллеа, заполните прилагаемую анкету и отправьте ее в местную администрацию. Выбранная случайным образом девушка от каждой провинции будет представлена принцу. Участниц разместят в великолепном дворце Иллеа-палас в Анджелесе. Семью каждой конкурсантки щедро вознаградят, – последние слова она произнесла с нажимом, – за заслуги перед королевской семьей».

Не слушая дальше, я закатила глаза. Такова была участь королевских сыновей. Принцесс, появившихся на свет в монаршем семействе, традиционно выдавали замуж за границу, чтобы укрепить отношения с другими странами. Я понимала, из каких соображений это делается: нам нужны союзники. И все равно такая практика мне не нравилась. Впрочем, пока что мне не случалось становиться свидетельницей ничего подобного, и я от души надеялась, что никогда и не доведется. Девочки в королевской семье не рождались на протяжении вот уже трех поколений. Принцы же женились на женщинах из народа, чтобы поддержать дух, порой неустойчивый, нашей нации. Думаю, Отбор был призван сплотить население и напомнить о том, что Иллеа создано практически на пустом месте.

При одной мысли о возможном участии в представлении, где спесивый сопляк на глазах у всей страны будет выбирать из кучи претенденток пустышку посмазливее, чтобы всю оставшуюся жизнь она безмолвной куклой маячила рядом с ним в телевизионных выступлениях, хотелось визжать. Что может быть унизительней?

К тому же я достаточно часто бывала в домах Двоек и Троек и пришла к твердому выводу: жить среди них не хочу, а уж становиться Единицей тем более. За исключением моментов, когда нам нечего было есть, положение Пятерки вполне меня устраивало. Это маме хотелось пробиться наверх, но не мне.

– А он, разумеется, полюбит Америку! Она ведь такая красавица, – восторженно заливалась мамуля.

– Мам, пожалуйста. У меня совершенно обыкновенная внешность.

– А вот и нет! – вклинилась Мэй. – Потому что мы с тобой похожи как две капли воды, а я очень даже симпатичная!

Она так широко улыбнулась, что я рассмеялась. К тому же крыть было нечем. Мэй действительно красавица.

Но дело не только в ее хорошеньком личике, очаровательной улыбке и блестящих глазах. От Мэй исходила такая энергия, такое воодушевление, что хотелось постоянно находиться с ней рядом. Мэй обаятельная, а я, по правде говоря, нет.

– Джерад, а ты как думаешь? По-твоему, я красивая? – спросила я.

Все взгляды устремились на самого младшего члена семьи.

– Нет! Девчонки все противные!

– Джерад, хватит. – Мама раздраженно вздохнула, но вышло у нее не слишком убедительно. На него невозможно было сердиться. – Америка, ты очень симпатичная девушка.

– Если я такая миленькая, почему к нам никто не приходит и никто не приглашает меня на свидания?

– Вообще-то, приходили, но я всех спроваживала. Мои девочки слишком хороши, чтобы достаться в жены Пятеркам. Кенна вышла за Четверку, а вы, я уверена, способны на большее. – Она сделала глоток чая.

– Мужа Кенны зовут Джеймс. Хватит называть его Четверкой. И давно начали у нас бывать мальчики?

Против воли я повысила голос.

– Довольно давно, – впервые за весь разговор открыл рот папа.

Я уловила в его голосе печальные нотки. Он сосредоточенно глядел в чашку. Интересно, что так сильно его расстроило? То, что к нам заходят мальчики? Или что мы с мамой снова поссорились? Или что я не хочу участвовать в конкурсе? Или что мне придется уехать, если я соглашусь?

Он на мгновение вскинул на меня глаза, и я вдруг все поняла. Он не хотел просить меня об этом. И не хотел, чтобы я уезжала. Но он не мог не видеть плюсов для нашей семьи, если мне удастся хотя бы пробиться в финал.

– Америка, не дури, – сказала мама. – Мы, наверное, единственные родители в стране, которым приходится уговаривать дочь заполнить анкету. Подумай только, какая возможность тебе представляется! В один прекрасный день ты можешь стать королевой!

– Мама, даже если бы я хотела стать королевой, а я категорически против, заявки подадут тысячи девушек из нашей провинции. Тысячи. И если я каким-то образом окажусь выбранной из этих тысяч, кроме меня, там будет еще тридцать четыре девушки, которые, без сомнения, разбираются в обольщении куда лучше моего.

– Что такое обольщение? – навострил уши Джерад.

– Ничего, – откликнулись мы хором.

– В общем, в таких условиях глупо рассчитывать на победу, – подытожила я.

Мама поднялась, отодвигая стул, и наклонилась через стол ко мне.

– Но кто-то же должен победить. У тебя точно такие же шансы, как у всех остальных. – Она отбросила салфетку и собралась уходить. – Джерад, доешь и иди мыться.

Он застонал.

Мэй ела молча. Джерад попросил добавки, но ее не было. Когда они вышли из-за стола, я принялась собирать посуду. Папа допивал чай. Волосы у него опять были в краске. При виде ярко-желтых прядей я не смогла сдержать улыбку. Он поднялся, стряхивая с рубахи крошки.

– Папа, прости, – прошептала я, продолжая складывать тарелки.

– Котенок, не говори глупостей. Я вовсе не злюсь. – Он ласково улыбнулся и обнял меня за плечи.

– Просто я…

– Малышка, можешь ничего мне не объяснять. Я понимаю. – Он поцеловал меня в лоб. – Пойду работать дальше.

И он ушел. Я перебралась на кухню и закончила уборку. Свою почти нетронутую порцию прикрыла салфеткой и спрятала в холодильник. Остальные уничтожили еду до крошки.

Вздохнув, я отправилась к себе в комнату, чтобы приготовиться ко сну. Все это ужасно меня злило. Ну почему маме нужно непременно заставить меня участвовать в этом состязании? Разве она не счастлива? Она же любит папу, так почему ей этого мало?

Я лежала на продавленном матрасе и пыталась разложить по полочкам мысли по поводу Отбора. В конкурсе были свои преимущества. Например, возможность есть досыта хотя бы какое-то время. Но какой смысл ввязываться в эту затею? Я никогда не полюблю принца Максона. Судя по тому, что я видела в программе «Вести столицы», он мне даже не понравился.

Полночь все никак не наступала. Около моей двери висело зеркало, и я остановилась перед ним, желая убедиться, что волосы выглядят так же хорошо, как утром, и нанести на губы блеск, чтобы сделать лицо немного ярче. Из экономии мама разрешала мне краситься лишь перед выступлениями или выходом на люди, но в особенные ночи я обычно нарушала ее запрет.

Стараясь не шуметь, я пробралась в кухню, вытащила из холодильника остатки своего ужина, зачерствевший хлеб, яблоко и завернула все это в узелок. Теперь, когда время подошло, мучительно было возвращаться в комнату так же осторожно, но если бы я проделала все это раньше, то просто извелась бы.

Я открыла окно и выглянула в наш крохотный двор. Ночь была почти безлунная, так что пришлось немного подождать, пока глаза привыкнут к темноте, прежде чем вылезти наружу. В дальнем конце дворика смутно виднелись очертания сооружения на дереве. В детстве Кота привязывал к веткам простыни, и постройка превращалась в корабль. Он был капитаном, а я его неизменным первым помощником. Мои обязанности заключались главным образом в подметании пола и приготовлении еды, которая представляла собой песок вперемешку с прутиками, насыпанный на мамины противни. Брат зачерпывал песок ложкой и понарошку «ел», а на самом деле выбрасывал за плечо. Это означало, что мне придется подметать все заново, но я не возражала. Просто радовалась возможности быть на корабле вместе с Котой.

Я огляделась по сторонам и убедилась, что в соседних домах темно. Никто за мной не наблюдал. Аккуратно выбралась из окна. Мне не раз доводилось по неосторожности до крови обдирать живот о подоконник, но с годами я научилась проделывать этот трюк виртуозно. К тому же мне не хотелось превратить еду в месиво.

В лучшей пижаме – коротких коричневых шортиках и облегающей белой рубашке – я чувствовала себя очень хорошенькой, даже неотразимой. Впрочем, что именно на мне надето, не имело особого значения. Я спешила через лужайку.

Подниматься наверх по рейкам, прибитым к дереву, помогая себе только одной рукой, несложно. Этим навыком я овладела в совершенстве. С каждой ступенькой меня охватывало все большее облегчение. Несмотря на близость к дому, здесь я словно оказывалась за многие мили от семейной кутерьмы. По крайней мере, от меня не требовали стать принцессой.

Забираясь в убежище, я уже знала, что меня там ждут. В дальнем углу кто-то скрывался в темноте. На мгновение у меня перехватило дыхание. Я положила узелок с едой и сощурилась. Человек пошевелился, зажигая почти бесполезный огарок. Света он толком не давал – из дома

точно никто бы не заметил, – но нам хватало. Ночной гость подал голос, и по его лицу разлилась улыбка.

– Привет, красотка.

Глава 2

Я пробралась вглубь домика. Он был совсем крошечный, от силы пять на пять футов. Даже Джерад не мог бы выпрямиться здесь в полный рост, но мне тут нравилось. Внутрь вел лаз. Напротив входа располагалось маленькое окошко. Я давно уже примостила в углу старую табуретку, чтобы ставить на нее свечку, принесла коврик. Правда, он такой ветхий, что почти с тем же успехом можно сидеть на голом полу. Обстановка не слишком роскошная, но это было мое убежище. Наше убежище.

– Умоляю, не называй меня красоткой. Сначала мама, потом Мэй, теперь еще ты. Это действует мне на нервы.

По выражению лица Аспена я поняла, что мою позицию «я некрасивая» он вряд ли поддержит. Юноша улыбнулся.

– Ничего не могу с собой поделать. В жизни не видел девушки красивее тебя. Ты не можешь сердиться на меня за то, что я использую единственную возможность сказать тебе об этом.

Он обхватил мое лицо ладонями и заглянул в глаза.

И я пропала. Его губы накрыли мои, я утратила способность о чем-либо думать. Не было больше ни Отбора, ни моего докучливого семейства, ни Иллеа. Лишь руки Аспена, прижимающие меня к груди, да его дыхание на моем лице. Мои пальцы погрузились в его волосы, еще влажные после душа – он всегда принимал душ по вечерам, – и сплелись на затылке. От него пахло самодельным мылом, которое варила его мать. Этот запах преследовал меня в моих снах. Наконец мы оторвались друг от друга.

Я устроилась между ног Аспена, прижавшись спиной к его груди, точно ребенок, который хочет, чтобы его убаюкали.

– Извини, я не в духе. Просто… Нам сегодня пришло это дурацкое извещение.

– Ах да, письмо, – вздохнул Аспен. – Мы получили сразу два.

Ну разумеется. Его сестрам-близняшкам только что исполнилось шестнадцать.

Аспен не отрывал от меня взгляда. Так было каждый раз, когда мы оказывались наедине. Он словно пытался запечатлеть мое лицо в памяти. С последней встречи прошло уже больше недели, а мы оба не находили себе места, когда не виделись несколько дней.

Я тоже оглядела его.

Аспен, бесспорно, самый привлекательный парень в городе. У него темные волосы и зеленые глаза, а улыбался он так, как будто знал какой-то секрет. Он высокий, но не слишком. Худощавый, но не чересчур. В тусклом свете я заметила под глазами у него темные круги. Наверняка всю неделю работал допоздна. Его черная футболка в некоторых местах была заношена почти до дыр, в точности как и потертые джинсы, которые он носил чуть ли не каждый день.

Мне бы хотелось сесть и заштопать ему одежду. Для счастья мне не нужно ничего больше. Не желаю быть принцессой Иллеа. Мечтаю лишь принадлежать Аспену.

Разлука с ним причиняла мне физическую боль. Иногда я терзалась, гадая, чем он сейчас занят. А когда эти мысли становились невыносимыми, искала спасения в музыке. Так что за мои успехи следовало благодарить Аспена. Я от него без ума.

И это скверно.

Аспен – Шестерка. Это каста слуг и лишь на одну ступень выше Семерок в том смысле, что чуть лучше образованы и выполняют работу в доме. Аспен умнее всех, кого я знала, и к тому же умопомрачительно красив. Проблема в том, что женщины почти никогда не выходили замуж за человека кастой ниже. Мужчина из низшей касты мог просить руки женщины выше себя по положению, но редко получал согласие. К тому же, вступая в брак с представителем

другой касты, необходимо было заполнить кучу бумаг и потом еще ждать месяца три, прежде чем приступать к прочим формальностям. Я не раз слышала мнение, что это делается для того, чтобы дать людям время одуматься. Так что наши свидания наедине, да еще и после наступления комендантского часа, могли навлечь на обоих серьезные неприятности. Не говоря уж о выволочке, которую неминуемо устроила бы мне мать.

Я любила Аспена. Вот уже почти два года. И он отвечал мне взаимностью. И сейчас, когда он гладил меня по волосам, я даже подумать не могла о том, чтобы участвовать в Отборе.

– И что ты об этом думаешь? Об Отборе, – уточнила я.

– Да ничего такого не думаю. Нужно же ему, бедолаге, как-то найти себе девушку.

Я различила в его голосе сарказм. Но мне действительно хотелось знать его мнение.

– Аспен.

– Ладно-ладно. В глубине души я думаю, что это печально. Неужели принц не ходит на свидания? Я имею в виду, как получилось, что он не может совсем никого себе найти? Если они выдают принцесс за других принцев, почему бы им не поступить таким же образом с ним? Должна же где-нибудь быть особа королевской крови, подходящая для него. Мне такого не понять. Вот, в общем-то, и все. Но с другой стороны… – Он вздохнул. – В чем-то идея кажется мне неплохой. Это захватывающе. Он должен будет влюбиться на глазах у всей страны. К тому же мне нравится, что кто-то получит шанс на лучшую жизнь и все остальное. Нашей следующей королевой может стать кто угодно. Это поддерживает во мне веру, что и у меня тоже есть шанс на лучшую жизнь.

Он водил пальцем по контуру моих губ. Его зеленые глаза, казалось, смотрели прямо мне в душу, и меня вдруг снова охватило ощущение протянувшейся между нами ниточки, которое рождалось только с ним.

– Значит, ты за то, чтобы твои сестренки тоже участвовали?

– Ну да. То есть мы все периодически видим нашего принца по телевизору; с виду он парень неплохой. Сопляк, конечно, но не злобный. К тому же девчонки спят и видят, как будут бороться на конкурсе. Так забавно на них смотреть. Когда я пришел сегодня с работы, они устроили дома танцы. И потом, это пошло бы на пользу семье. Мама полна надежд, потому что от нашей семьи участвовать будут два человека, а не один.

Ну хоть кому-то польза от этого кошмарного состязания. Я до такой степени была поглощена собой, что даже не подумала про сестер Аспена. Если одна из них пройдет в финал, если одна из них победит…

– Аспен, ты отдаешь себе отчет в том, что это означает? Если Камбер или Селия победят?

Он крепче обнял меня, его губы легонько коснулись моего лба. Он принялся поглаживать мне спину.

– Я сегодня весь день только об этом и думаю, – признался он.

Его хрипловатый голос лишал меня способности мыслить ясно. Все, чего мне хотелось, – это чтобы он прикасался ко мне, целовал меня. И именно этим все бы и закончилось, если бы у него вдруг не заурчало в животе. Я встрепенулась.

– Ой, я же принесла нам кое-что пожевать, – произнесла я небрежно.

– Правда?!

Он явно попытался сказать это не слишком заинтересованно, но до конца свое воодушевление скрыть все-таки не сумел.

– Вот, цыпленок. Тебе понравится, сама его приготовила.

Отыскав в темноте маленький сверток, я сунула его Аспену, который, к чести своей, не стал набрасываться на еду сразу. Я надкусила яблоко, чтобы это действительно выглядело так, будто принесла еду нам обоим, но тут же отложила его в сторону, чтобы Аспен мог доесть остальное.

Хотя нашу собственную жизнь нельзя было назвать сытой, семья Аспена жила совсем впроголодь. Притом что его заработки были куда более стабильными, чем наши, платили ему существенно меньше. На еду его семье никогда не хватало. Он был старшим из семерых детей, и из тех же соображений, из которых я как можно раньше впряглась в семейную лямку, Аспен отошел в сторону. Свою скудную долю пищи он отдавал братьям, сестрам и матери, выбивавшейся из сил на работе. Его отец умер три года назад, и теперь семья практически во всем зависела от Аспена.

Я удовлетворенно смотрела, как Аспен, слизнув с пальцев специи, которыми был щедро приправлен цыпленок, принялся уплетать хлеб. Мне оставалось лишь догадываться, когда он ел в прошлый раз.

– До чего же ты вкусно готовишь. В один прекрасный день ты сделаешь какого-нибудь мужчину очень толстым и счастливым, – жуя яблоко, сказал он.

– Я намерена сделать толстым и счастливым тебя. Ты ведь знаешь.

– То-о-олстым, – протянул он мечтательно.

Мы оба рассмеялись, и он принялся рассказывать о том, что нового случилось в его жизни с тех пор, как мы в последний раз виделись. Его подрядили делать кое-какую бумажную работу для одной фабрики, и на следующей неделе он должен продолжить. Его матери наконец-то посчастливилось на более-менее постоянной основе устроиться прибираться к нескольким местным Двойкам. Близняшки грустят, потому что их заставили уйти из театрального кружка, в который они ходили после школы. Всем необходимо больше трудиться.

– Посмотрю, может, мне удастся найти какую-нибудь подработку по воскресеньям. Они так любят этот кружок, не хочу, чтобы бросили его, – произнес он с надеждой в голосе, как будто и в самом деле рассчитывал, что это получится.

– Аспен Леджер, и думать забудь! Ты и так вкалываешь как проклятый!

– Ох, Мер, – прошептал он мне на ухо. По коже у меня побежали мурашки. – Ты же знаешь Камбер и Селию. Им нужно общение. Они не могут все время драить чужие полы и переписывать бумажки в одиночестве. Не такой у них характер.

– Аспен, но это нечестно, что ты один все делаешь. Я знаю, как ты относишься к сестрам, но и себя загонять тоже нельзя. Если ты действительно их любишь, то должен лучше заботиться о том, кто думает о них.

– Мер, не переживай так. Придет и на нашу улицу праздник. Не буду же я заниматься этим всю жизнь.

Я не сомневалась, что будет. Потому что его семье всегда будут нужны деньги.

– Аспен, я знаю, что ты готов на это. Ты не супергерой. Не надо считать, что ты способен обеспечить каждого, кого любишь. Просто… просто тебе не под силу делать все сразу.

Мы немного помолчали. Я очень надеялась, что он воспримет мои слова серьезно, поймет, что если не притормозит, то загонит себя в гроб. Шестерки, Семерки и Восьмерки нередко умирали от изнеможения. Мне невыносимо было думать об этом. Я крепче прижалась к его груди, пытаясь выкинуть эти мысли из головы.

– Америка?

– Что? – прошептала я.

– Ты будешь участвовать в Отборе?

– Нет! Конечно же нет! Я не хочу, чтобы все считали, будто я способна даже на мгновение допустить, что выйду замуж за совершенно незнакомого человека! Я люблю тебя, – с жаром ответила я.

– Ты хочешь быть Шестеркой? Вечно голодной? Постоянно озабоченной нехваткой денег? – спросил он.

В его голосе звучала боль, но он искренне ждал от меня ответа: если придется выбирать между жизнью во дворце, полном прислуги, готовой исполнить любое мое желание, и в трехкомнатной квартирке вместе с семьей Аспена, что я решу?

– Аспен, мы справимся. У нас обоих есть голова на плечах. Все будет хорошо.

Хотелось бы, чтобы это было так.

– Мер, ты же знаешь, что все будет иначе. И мне все равно придется содержать семью. Я не из тех, кто способен бросить родных на произвол судьбы. – (Я сжалась в его объятиях.) – А если у нас появятся дети…

– Не если, а когда. Мы просто будем беречься. Кто сказал, что у нас непременно должно быть больше двух?

– Ты же знаешь, что такие вещи не в нашей власти!

Я уловила в голосе Аспена нарастающее раздражение. Впрочем, я его не винила. У богатых была возможность регулировать численность своих семей. Кастам от Четвертой и ниже предлагалось полагаться на судьбу. Эта тема была предметом наших ожесточенных споров на протяжении шести месяцев, с тех самых пор, как мы начали всерьез искать способ быть вместе. С детьми вопрос сложный. Чем больше в семье детей, тем больше рабочих рук. С другой стороны, тем больше ртов нужно кормить…

Мы молчали, не зная, что сказать. Аспена с его вспыльчивым характером в спорах нередко заносило. Правда, в последнее время ему лучше удавалось держать себя в руках и до взрыва дело не доходило. Именно это он пытался сделать сейчас.

Не хотелось, чтобы он волновался и расстраивался; я искренне считала, что у нас все получится. Если тщательно спланировать то, что спланировать можно, проще будет справляться с тем, что спланировать нельзя. Возможно, я смотрела на жизнь сквозь розовые очки, возможно, я была слишком влюблена, но искренне верила, что мы с Аспеном способны на все, стоит только по-настоящему захотеть.

– Я считаю, что ты должна это сделать, – произнес он неожиданно.

– Сделать что?

– Подать заявку на участие в Отборе. Думаю, ты должна участвовать.

Я уставилась на него:

– Ты в своем уме?

– Мер, выслушай меня. – Его губы почти касались моего уха. Это было нечестно; он не мог не понимать, что отвлекает меня. Его голос, хрипловатый и неторопливый, звучал так, будто он собирался сказать что-то романтичное, хотя на самом деле никакой романтикой в его словах и не пахло. – Если у тебя есть шанс на лучшую жизнь, а ты откажешься от него ради меня, я никогда себе этого не прощу. Я этого не вынесу.

Я нетерпеливо фыркнула:

– Что за чушь! Представь, сколько тысяч девушек подадут заявки. Да меня даже не заметят.

– Если ты уверена, что тебя не выберут, зачем волноваться? – Его ладони принялись поглаживать мои плечи. Когда он так делал, у меня не оставалось сил спорить. – Я хочу, чтобы ты всего лишь подала заявку. Просто сделай попытку. Если ты пройдешь – замечательно. А если нет, по крайней мере, я не буду корить себя за то, что лишил тебя шанса вырваться из этого болота.

– Аспен, но я не люблю его. Он мне даже не нравится. Я вообще его не знаю.

– Его никто не знает. Впрочем, в этом-то вся и соль. Вдруг он тебя заинтересует?

– Прекрати. Я люблю тебя.

– А я – тебя. – Он подкрепил свои слова долгим поцелуем. – И если ты меня любишь, то сделаешь это, иначе я изведусь от мысли о том, что могло бы быть.

Когда он перевел разговор на себя, у меня не осталось ни единого шанса. Не могла я сделать ему больно, ведь я изо всех сил старалась облегчить ему жизнь. И потом, я не сомневалась, что в финал мне не попасть никогда в жизни. Так почему бы в самом деле не подать эту заявку, чтобы все наконец от меня отстали?

– Умоляю тебя, – выдохнул он мне в ухо.

По коже снова побежали мурашки.

– Хорошо, – прошептала я в ответ. – Я это сделаю. Но ты должен знать, что я не стремлюсь стать какой-то там принцессой. Все, чего я хочу, это быть твоей женой.

Он погладил меня по волосам:

– Ты ею будешь.

Наверное, это все из-за света. Вернее, из-за его отсутствия. Потому что я могла бы поклясться, что в глазах у Аспена блеснули слезы. Ему пришлось пережить многое, но плачущим я его видела всего однажды – когда его младшего братишку выпороли на площади. Малыш Джемми стащил с лотка на рынке какой-то фрукт. За такой проступок взрослого ждал бы скорый суд, а затем, в зависимости от ценности украденного, тюремное заключение или смертная казнь. Джемми было всего девять, так что его просто высекли. У матери не было денег, чтобы отвести его к нормальному врачу, в итоге на спине у мальчика остались ужасные рубцы.

В ту ночь я караулила у окна, чтобы не пропустить, если Аспен решит пробраться в наш домик на дереве. Когда он показался, я юркнула следом. Он целый час плакал в моих объятиях, твердя, что, если бы только работал больше, если бы справлялся лучше, Джемми не пришлось бы пойти на воровство. Нечестно, что Джемми пострадал из-за его, Аспена, никчемности.

У меня разрывалось сердце, потому что это было не так. Но говорить ему об этом было без толку, он все равно бы не послушал. Аспен взваливал на себя ответственность за всех, кого любил. И каким-то непостижимым образом я входила в число этих людей. Поэтому я изо всех сил старалась облегчить ту долю бремени, что была связана со мной.

– Ты не споешь мне? Что-нибудь хорошее на сон грядущий?

Я улыбнулась. Люблю ему петь. Я придвинулась к нему поближе и негромко завела колыбельную.

Он несколько минут слушал меня, потом его пальцы рассеянно скользнули по моей шее вниз. Он расстегнул ворот моей рубашки и принялся целовать шею. Потом закатал и без того короткий рукав и стал покрывать поцелуями руку. У меня сжалось горло. Он делал так почти каждый раз, когда я ему пела. Думаю, мое прерывистое дыхание доставляло ему больше удовольствия, чем само пение.

Вскоре мы уже сплелись на грязном тонком коврике. Аспен перевернулся так, чтобы я оказалась сверху. Я перебирала его взлохмаченные волосы, совершенно загипнотизированная этим ощущением. Он продолжал исступленно меня целовать. Его пальцы скользили по моей талии, спине, бедрам, впиваясь в кожу. Я каждый раз удивлялась, не обнаруживая потом синяков.

Мы были осторожны и ни разу не дошли до того, чего нам обоим так хотелось. Достаточно и того, что мы нарушали комендантский час. И все же, несмотря на все ограничения, мне трудно было представить, что кто-то в Иллеа мог испытывать бóльшую страсть, чем мы.

– Америка Сингер, я люблю тебя. И буду любить всю жизнь, – произнес он дрогнувшим голосом, и у меня защемило сердце.

– И я люблю тебя. Ты всегда будешь моим принцем.

Он целовал меня, пока не догорела свеча.

Прошел, наверное, уже не один час, и у меня закрывались глаза. Аспен никогда не переживал о том, что не выспится сам, только о том, что не даст отдохнуть мне. Пора было прощаться. Я устало спустилась по лестнице, прихватив пустую тарелку и честно заработанную монетку в один цент.

Когда я пела, Аспен буквально впитывал каждый звук. Время от времени, когда ему удавалось что-то заработать, он платил мне за пение один цент. Лучше бы он отдавал эти деньги своим родным. В их семье без преувеличения каждый цент был на счету. Но с другой стороны, эти монетки – потратить их у меня не поднималась рука – служили напоминанием о том, на что Аспен готов был ради меня, как много я для него значила.

Вернувшись к себе в комнату, я вытащила из тайника небольшую склянку, заполненную медяками, и отправила туда сегодняшнюю монетку. Она весело звякнула. Потом я минут десять ждала у окна, пока не увидела, как Аспен в темноте спустился с дерева и побежал по тропинке к дому.

Некоторое время я лежала без сна, думая об Аспене и о том, как сильно я его люблю и как чудесно знать, что он отвечает мне взаимностью. Я казалась себе особенной, бесценной, незаменимой. Ни одна королева, наверное, не чувствовала себя более важной, чем я.

Так, с этой греющей сердце мыслью, я и уснула.

Глава 3

Аспен был во всем белом и похож на ангела. Мы по-прежнему находились в Каролине, но вокруг ни души. Нам больше никто и не нужен. Аспен сплел мне из прутиков корону, и мы наслаждались обществом друг друга.

– Америка! – Голос матери ворвался в сладкий сон петушиным криком.

Она включила свет, и я принялась тереть кулаками глаза, пытаясь унять резь.

– Просыпайся. Я хочу кое-что тебе предложить. – Я бросила взгляд на будильник. Самое начало восьмого. Сколько же я проспала – часов пять?

– Ты хочешь мне предложить еще поспать? – пробурчала я.

– Нет, солнышко, давай садись. Мне нужно обсудить с тобой кое-что серьезное.

Я заставила себя сесть на постели, помятая и всклокоченная со сна. Мама принялась хлопать в ладоши, словно это могло как-то ускорить процесс.

– Давай, Америка, просыпайся.

Я зевнула. Дважды.

– Ну и что ты хочешь?

– Чтобы ты подала заявку на участие в Отборе. Я считаю, что из тебя выйдет отличная принцесса.

Я не готова была обсуждать это в такую рань.

– Мама, честное слово, я…

При воспоминании о данном ночью Аспену обещании хотя бы попытаться я тяжело вздохнула. Теперь, при свете дня, я не была уверена, что смогу заставить себя это сделать.

– Знаю, ты против, но подумала, может, ты изменишь отношение, если я заключу с тобой сделку.

Я навострила уши. Что она хочет предложить?

– Мы с папой вчера вечером поговорили и решили, что ты уже достаточно взрослая, чтобы работать самостоятельно. На пианино ты играешь ничуть не хуже меня, а если приложишь еще чуточку усилий, и на скрипке тоже будешь играть почти безупречно. А уж лучшего голоса, чем у тебя, во всей провинции не найти, можешь мне поверить.

Я сонно улыбнулась:

– Мама, спасибо. Большое спасибо.

Впрочем, работать в одиночку мне не особенно нравилось. Я не очень понимала, каким образом это предложение способно меня мотивировать.

– Это еще не все. Ты можешь принимать заказы по своему усмотрению, работать самостоятельно и… оставлять себе половину доходов.

Она поморщилась.

Глаза у меня мгновенно распахнулись.

– Но только при условии, что ты оформишь документы на участие в Отборе. – Ее губы неудержимо расплывались в улыбке.

Она уже понимала, что победа на ее стороне, хотя, наверное, и ожидала от меня большего сопротивления. Но какой в этом смысл? Я все равно собиралась подать заявку, а теперь оказывается, что еще и смогу зарабатывать собственные деньги!

– Ты ведь понимаешь, что я могу согласиться только отправить анкету? Заставить их выбрать меня не в моих силах.

– Понимаю. Но все же попытка не пытка.

– Да-а-а, мама. – Я покачала головой, все еще под впечатлением. – Ладно, сегодня заполню анкету. Ты серьезно насчет денег?

– Разумеется. Все равно рано или поздно ты стала бы выступать в одиночку. К тому же тебе будет полезно научиться обращаться с финансами. Только прошу, не забывай о семье. Мы все еще в тебе нуждаемся.

– Я не забуду про вас. Так ты мне и позволила, как же! – подмигнула я.

Мама рассмеялась, и сделка была заключена.

Принимая душ, я размышляла обо всем, что успело произойти за последние сутки. Просто заполнив заявку, я заслужу одобрение семьи, сделаю приятное Аспену и смогу заработать деньги, которые помогут нам пожениться!

Меня деньги не слишком волновали, но Аспен настаивал на том, что нам необходимо отложить хотя бы немного, прежде чем заключать брак. За все формальности нужно платить. Кроме того, после венчания мы хотели устроить скромную вечеринку для родных. Я считала, мы быстро накопим достаточную сумму, главное, решить, что мы к этому готовы, но Аспену хотелось большего. Может, если я начну всерьез трудиться и хорошо зарабатывать, он наконец поверит, что наши трудности не навсегда.

Приняв душ, я заколола волосы и в честь такого повода подкрасилась, потом подошла к шкафу и задумалась. Выбор невелик. Почти весь мой гардероб выдержан в бежевых, коричневых или зеленых тонах. Для работы у меня есть несколько платьев более веселых расцветок, но все они безнадежно вышли из моды. Впрочем, дело в том, что Шестерки и Семерки почти всегда ходят в джинсах или чем-нибудь столь же практичном. Пятерки в большинстве своем одевались неброско, поскольку художники все равно натягивали поверх одежды рабочие халаты, а танцорам и музыкантам нарядные вещи нужны только для представлений. Высшие касты время от времени ради разнообразия носили джинсы или хаки, но на них эти вещи каким-то образом всегда выглядели недостижимо шикарно. Мало того что они могли иметь практически все, что хотели, они еще и превращали то, что для нас являлось вынужденной мерой, в роскошь.

Я натянула шорты и зеленую тунику – самый нарядный свой дневной комплект – и, прежде чем выйти, бросила взгляд в зеркало. Я чувствовала себя почти хорошенькой. Должно быть, благодаря огню в глазах.

Мама с папой сидели за кухонным столом и о чем-то вполголоса переговаривались. Периодически они вскидывали на меня глаза, но сегодня даже их пристальное внимание не могло испортить мне настроение.

Взяв в руки письмо, я слегка удивилась. Какая качественная бумага! Я никогда не держала в руках ничего подобного. На ощупь она была плотная и чуточку шершавая. На мгновение бумага вдруг обрела ощутимый вес, напомнив о серьезности моего шага. «А вдруг?» – мелькнула в голове сумасшедшая мысль. Но я отогнала ее и взялась за ручку.

Заполнение анкеты много времени не отняло. Я вписала имя, возраст, касту и контактную информацию. От меня требовалось указать рост, вес, цвет волос, глаз и кожи. Я с гордостью отметила, что знаю три языка. На двух говорили многие, но мама настояла на том, чтобы мы выучили французский и испанский, поскольку в некоторых частях страны они до сих пор были в ходу. Кроме того, это пошло на пользу моей певческой карьере. На французском много красивых песен. Также претенденткам необходимо было указать, сколько классов они закончили. Тут возможны самые разные варианты, поскольку лишь Шестерки и Семерки ходили в государственные школы и могли с полным правом говорить о нумерации классов. Мое образование практически завершилось. В графе «Особые навыки» я указала пение и игру на музыкальных инструментах.

– Как думаешь, способность спать в любой обстановке можно считать особым навыком? – поинтересовалась я у отца притворно озабоченным тоном.

– Да, непременно упомяни это. И не забудь написать, что ты способна расправиться с любой едой за пять минут, – отозвался он.

Я рассмеялась. Это правда; я действительно имела привычку глотать не жуя.

– Вы оба просто невыносимы! Почему бы тебе не написать, что ты настоящая дикарка! – взвилась мама.

Не понимаю, чего она пребывает в таком раздражении? В конце концов, я же пошла ей навстречу.

Я вопросительно покосилась на отца.

– Просто она хочет для тебя самого лучшего, вот и все.

Он откинулся на спинку кресла, еще немного оттягивая момент, когда нужно будет браться за заказ, сдать который предстояло к концу месяца.

– Ты тоже, – заметила я, – но при этом никогда не злишься.

– Да. Но у нас с мамой разные взгляды на то, что для тебя хорошо. – Он едва заметно улыбнулся.

Губы я унаследовала от него – как их абрис, так и склонность произносить невинные вроде бы вещи, которые не приносили пользы. Зато характер достался мамин, только она научилась прикусывать язычок там, где это было по-настоящему необходимо. Мне это было не под силу. Как вот сейчас.

– Пап, если бы я по-настоящему полюбила Шестерку или Семерку и захотела выйти за него замуж, ты бы мне позволил?

Отец поставил кружку и внимательно посмотрел на меня. Я попыталась сделать непроницаемое лицо. Он тяжело вздохнул:

– Америка, я хотел бы, чтобы ты вышла замуж за того, кого полюбишь, будь он хоть Восьмеркой. Но тебе следует знать, что любовь может не выдержать испытания браком. Со временем ты начнешь ненавидеть того, кого недавно так любила, если он окажется неспособен обеспечить тебя. А если вам нечем будет кормить детей, то будет еще хуже. Подобные обстоятельства иногда способны убить самое сильное чувство. – Папа накрыл мою ладонь своей. Я вскинула на него глаза, пытаясь скрыть тревогу. – Но в любом случае я хочу, чтобы тебя любили. Ты этого заслуживаешь. И очень надеюсь, что ты выйдешь замуж по любви, а не из-за номера касты.

Он не произнес вслух того, что я жаждала услышать: я должна выйти замуж по любви, – но ни на что большее и рассчитывать не стоило.

– Спасибо.

– Не сердись на маму. Она делает то, что кажется ей правильным. – Он поцеловал меня в макушку и отправился в мастерскую.

Я вздохнула и вернулась к анкете. Такое чувство, будто моя семья считала, что у меня нет никакого права желать чего-то для себя. Меня это злило, но я понимала, что не стоит всерьез на них обижаться. Мы не могли позволить себе такую роскошь, как желания. Главным всегда было то, что необходимо.

Заполнив заявку, я пошла на задний двор к маме. Она подрубала платье и одновременно приглядывала за Мэй, которая делала домашнее задание в тени нашего домика на дереве. Аспен в детстве жаловался на то, какие строгие учителя были у них в школе. Сомневаюсь, что кто-то из них мог бы соперничать с мамой.

На дворе стояло лето!

– Неужели ты все-таки это сделала? – подпрыгивая от нетерпения, спросила Мэй.

– Заполнила, заполнила.

– Почему ты вдруг передумала?

– Мама умеет быть очень убедительной, – многозначительно произнесла я, хотя та, по всей видимости, ничуть не стыдилась способа, к которому прибегла, чтобы добиться своего. – Мама, мы можем сходить в администрацию, как только ты освободишься.

Она слегка улыбнулась:

– Умница! Возьми, что тебе нужно, и пойдем. Чем раньше мы все оформим, тем лучше.

Я отправилась к себе за сумкой и туфлями, как было велено, но задержалась перед дверью в комнату младшего брата. Он с раздосадованным видом смотрел на пустой холст. Мы подсовывали Джераду вариант за вариантом, но все без толку. Достаточно было поглядеть на видавший виды футбольный мяч в углу или на подержанный микроскоп, которым с нами расплатились одни заказчики как-то раз на Рождество, чтобы понять: к искусству душа у него явно не лежит.

– Что, вдохновения так и нет? – спросила я, переступая через порог.

Он поднял на меня глаза и помотал головой.

– Может, стоит попробовать себя в скульптуре, как Кота. У тебя отличные руки. Вот увидишь, у тебя получится.

– Я не хочу быть скульптором. И рисовать, петь или играть на музыкальных инструментах тоже не хочу. Я хочу играть в футбол. – Он ковырнул ногой ветхий ковер.

– Знаю. В футбол можно играть на досуге, но тебе нужно найти ремесло, которое будет тебя кормить. Это вполне совместимо с футболом.

– Но почему? – захныкал он.

– Ты сам знаешь. Это закон.

– Но это нечестно! – Джерад толкнул натянутый на подрамник холст, и тот шлепнулся на пол, так что в лучах солнца заплясали пылинки. – Мы же не виноваты, что наш прадедушка, или кто он там, был бедным.

– Согласна. – Ограничивать выбор жизненного пути человека, исходя из той помощи, которую его предки оказали правительству, и вправду казалось мне не лучшим решением, но так уж все было устроено. И вообще, вероятно, следовало бы радоваться, что нашей безопасности ничто не грозит. – Может, в те времена по-другому было нельзя.

Джерад не ответил. Я вздохнула, подняла с пола мольберт и водрузила его обратно. Жизнь есть жизнь, и ничего тут не попишешь.

– Ты не обязан отказываться от своих хобби. Но ты должен будешь помогать папе и маме, а потом, когда вырастешь, завести собственную семью.

Он с притворным омерзением высунул язык, и мы оба прыснули.

– Америка! – послышался из коридора мамин голос. – Где ты там застряла?

– Уже иду! – прокричала я в ответ и снова обернулась к Джераду. – Я понимаю, что тебе трудно. Ну так никто и не обещал, что будет легко, правда?

Но в глубине души я и сама считала, что это несправедливо. Очень несправедливо.

В администрацию мы пошли пешком. Время от времени мы пользовались общественным транспортом, если добираться надо было очень далеко или если речь шла о работе. Являться в дом к Двойкам взмыленными с дороги никуда не годилось. Они и так странно на нас смотрели. Но сегодня день выдался погожий, да и идти было совсем недалеко.

Мы оказались не единственными, кто решил подать заявку как можно скорее. Улица перед зданием администрации провинции Каролина была запружена женщинами.

Я заметила в очереди кое-кого из девушек, живших с нами по соседству. Хвост был человека четыре в ширину и загибался за угол. Все юные особы провинции бросились подавать заявки. Я не знала, ужасаться этому или радоваться.

– Эй, Магда! – послышался чей-то оклик.

Мы с мамой одновременно обернулись. К нам приближались сестры Аспена, Селия и Камбер, и их мать. По такому случаю она, должно быть, взяла выходной. Близняшки надели свою самую лучшую одежду и выглядели очень миленько. Конечно, роскошными их наряды никто бы не назвал, но они умудрялись отлично выглядеть в чем угодно, прямо как Аспен. У Камбер и Селии точно такие же, как у него, темные волосы и очаровательные улыбки.

Мать Аспена улыбнулась мне, и я улыбнулась в ответ. Я обожала ее. Нам очень редко удавалось перекинуться словечком, но она была неизменно со мной приветлива. И это вовсе не потому, что я стояла ступенью выше. Мне доводилось видеть, как она отдавала одежду, из которой выросли ее дети, семьям, не имевшим вообще никакого положения. Просто она очень добрая.

– Лина, привет! Как поживаете, девочки? – приветствовала их мама.

– Хорошо! – хором отозвались близняшки.

– До чего же вы симпатичные, – сказала я, перебросив выбившийся из прически локон Селии за плечо.

– Мы старались, чтобы хорошо выйти на фотографии, – пояснила Камбер.

– На фотографии?! – изумилась я.

– Ага, – понизив голос, подтвердила мама Аспена. – Я вчера прибиралась в одном из зданий магистрата. Эта лотерея на самом деле совсем не лотерея. Вот почему они фотографируют участниц и собирают кучу информации. Какая разница, сколько ты знаешь языков, если выбор делается случайным образом?

Когда я заполняла анкету, мне это тоже показалось странным, но я решила, что информация пригодится уже потом.

– И похоже, не мы одни в курсе. Поглядите только по сторонам! Смотрите, как некоторые разряжены и раскрашены.

Я обернулась. Мать Аспена была права. Разница между теми, кто знал, и теми, кто был не в курсе, бросалась в глаза. За нами стояла девушка, явно из Семерок, которая пришла сюда прямо в рабочей одежде. Ее заляпанные грязью ботинки на фотографии вряд ли будут видны, зато припорошенный пылью комбинезон – очень даже. В нескольких шагах от нее еще одна Семерка щеголяла рабочим поясом с инструментами. Лицо у нее чистое, но больше ничего хорошего про нее не скажешь. В противоположность этим двоим у стоявшей передо мной девушки волосы были убраны в узел, а лицо обрамляли игривые завитки. Ее соседка, судя по одежде Двойка, щеголяла декольте такой глубины, что казалось, в нем можно утопить весь мир. Еще несколько девушек были так размалеваны, что напоминали клоунов. Что ж, по крайней мере, они старались.

Я выглядела вполне пристойно, но до них мне было далеко. Как и те две Семерки, я ничего не знала о фотографировании. Меня вдруг охватила неожиданная тревога.

Но почему? Я одернула себя и принялась раскладывать мысли по полочкам.

Мне все это не нужно. Если я окажусь недостаточно хороша, это и к лучшему. По крайней мере, не придется соревноваться с сестрами Аспена. Обе красавицы от природы, а с легким макияжем выглядели еще привлекательнее. Если Камбер или Селия победят, вся семья Аспена поднимется по социальной лестнице. Мама уж точно не станет возражать против моего брака с Единицей только из тех соображений, что это не принц. Как хорошо, что я ни о чем не была предупреждена!

– Пожалуй, ты права, – согласилась мама. – Эта девица выглядит так, словно собралась на рождественский бал.

Она рассмеялась, но по ее тону я поняла, что мысль о моем невыгодном положении ее не радует.

– Не знаю, зачем многие девушки так усердствуют. Вот посмотрите на Америку. Она такая хорошенькая. Я так рада, что ты не последовала их примеру, – сказала миссис Леджер.

– Во мне нет ничего особенного. На что я могу рассчитывать рядом с Камбер или Селией?

Я подмигнула им, и они рассмеялись. Мама тоже улыбнулась, но как-то натянуто. Должно быть, она раздумывала, остаться ли стоять в очереди или отправить меня домой переодеваться.

– Глупости! Каждый раз, когда Аспен возвращается после работы у твоего брата, он говорит, что природа не поскупилась, отмеряя Сингерам таланта и красоты.

– В самом деле?! Какой славный мальчик! – проворковала мама.

– Да. Лучшего сына и пожелать нельзя. Не представляю, что бы мы без него делали. И он так много работает.

– Его избраннице очень повезет, – произнесла мама рассеянно.

Видимо, ее мысли были заняты оценкой моих шансов в этом состязании.

Миссис Леджер торопливо огляделась по сторонам:

– Честно говоря, мне кажется, у него уже есть кое-кто на примете.

Я замерла, не понимая, стоит ли что-то сказать по этому поводу или промолчать. Любая реакция могла меня выдать.

– И как она выглядит? – поинтересовалась мама.

Несмотря на то что она мечтала выдать меня замуж за совершенно незнакомого человека, отказать себе в удовольствии посплетничать было выше ее сил.

– Точно не знаю! Вообще-то, я ее еще не видела. Это все только догадки. В последнее время у него очень счастливый вид.

В последнее время?! Мы с Аспеном встречаемся уже почти два года. Почему только в последнее время?

– Он без конца мурлычет что-то себе под нос, – подала голос Селия.

– Да, и даже поет во весь голос, – поддакнула Камбер.

– Он поет?! – воскликнула я.

– Ну да, – хором отозвались близняшки.

– Тогда он точно с кем-то встречается! – согласилась мама. – Интересно с кем?

– Я тоже хотела бы это знать. Думаю, она замечательная девушка. Несколько месяцев он работает не покладая рук. Еще больше, чем обычно. И начал откладывать деньги. Может, копит на свадьбу.

Я против воли негромко ахнула. К счастью, все приписали это эффекту неожиданности.

– А я только рада, – продолжала между тем мать Аспена. – Даже если он пока не готов открыть нам, кто она, я уже ее люблю. Он все время улыбается. После того как не стало Херрика, нам всем тяжело пришлось, а Аспену в особенности. Если ему с этой девушкой так хорошо, она мне уже как дочь.

– Повезло ей! Твой Аспен – замечательный мальчик, – отозвалась мама.

Я не верила своим ушам. Его семья едва сводит концы с концами, а он пытается скопить денег, чтобы жениться на мне! Хотелось отругать и расцеловать его одновременно. Я просто… У меня не было слов.

Он действительно собирается сделать мне предложение!

Я не в состоянии была думать ни о чем другом. Аспен, Аспен, Аспен. Отстояла в очереди, расписалась в окошке, подтвердив, что все сведения в анкете правдивы, и отправилась фотографироваться. Я села на стул, слегка взбила волосы, чтобы выглядели поживее, и повернулась к фотографу.

Не думаю, что в тот миг в Иллеа нашлась бы девушка, улыбающаяся счастливее, чем я.

Глава 4

Была пятница, и в восемь вечера должны показывать «Вести столицы». Смотреть вроде бы необязательно, но пропускать передачу неразумно. Даже Восьмерки – бездомные бродяги – старались в это время оказаться где-нибудь в магазине или церкви, где транслировались «Вести». А уж теперь, когда начался Отбор, игнорировать «Вести» казалось немыслимо. Всем хотелось знать, как обстоят дела с претендентками.

– Как думаешь, сегодня объявят победительниц? – спросила Мэй с ртом, полным картофельного пюре.

– Нет, милая. До окончания подачи заявок осталось еще девять дней. Мы все узнаем в лучшем случае через две недели.

Такого спокойного тона у мамы я не слышала уже несколько лет. Она пребывала в состоянии полнейшей безмятежности, довольная тем, что ей удалось добиться своего.

– Ну вот! Мне не терпится скорей все узнать, – пожаловалась Мэй.

Ей не терпелось узнать? Но ведь это я участвовала в лотерее!

– Мама сказала, вам пришлось выстоять длинную очередь, – к моему изумлению, обратился ко мне отец.

– Ну да. Не ожидала, что будет столько девушек. Зачем ждать еще целых девять дней. Готова поклясться, что записалась уже вся провинция.

Папа усмехнулся:

– И как тебе показались соперницы?

– Не знаю, не разглядывала, – ответила я честно. – Предоставила маме их оценивать.

– Да-да, – согласно кивнула мама. – Я просто не могла удержаться. Но думаю, Америка выглядела очень неплохо. Утонченно и естественно. Ты такая красавица, солнышко. Если они в самом деле оценивают претенденток, а не выбирают их случайным образом, у тебя еще бóльшие шансы, чем я рассчитывала.

– Ну, не знаю, – уклонилась от прямого ответа я. – Там у одной девицы губы были так ярко накрашены красной помадой, что казалось, она истекает кровью. Кто его знает, может, принцу больше по вкусу такие вещи.

Все рассмеялись, и мы с мамой начали развлекать домашних комментариями о нарядах претенденток. Мэй жадно впитывала все до последнего слова, а Джерад лишь ел да улыбался. Иной раз мы даже забывали, что с тех пор, как Джерад начал по-настоящему понимать, что происходит вокруг, нужно тщательно следить за языком.

В восемь мы все устроились в гостиной: папа в своем кресле, Мэй на диване рядом с мамой, у которой на коленях примостился Джерад, я на полу – и включили телевизор на общественный канал. Это единственный канал, за который не нужно платить, так что даже Восьмерки могли его смотреть при наличии телевизора.

Заиграл гимн. Может, это и глупо, но мне он всегда нравился. Я очень люблю его петь.

На экране появилась королевская семья. На трибуне стоял король Кларксон. С одной стороны от него сидели советники, которые должны были сообщить новости о хозяйственных, экологических и прочих проблемах. Камера показала их крупным планом. Судя по всему, сегодня нам предстояло услышать несколько объявлений. В левой части экрана королева и принц Максон в роскошных одеждах восседали на похожих на троны креслах. Вид у них был важный и царственный.

– Смотри, твоего жениха показывают, – пошутила Мэй, и все рассмеялись.

Я внимательно вгляделась в Максона. Пожалуй, он был даже красив. Не так, как Аспен, разумеется. Такой солнечный тип внешности – коротко подстриженные медового цвета волосы, карие глаза – многим кажется привлекательным. Серый пиджак сидел на нем безукоризненно.

Вот только держался принц чересчур скованно и напряженно. Идеальная прическа, отлично пригнанный строгий костюм – все слишком безупречно. Он походил скорее на свой портрет, нежели на живого человека. Я пожалела девушку, которая станет его избранницей. Жизнь ее ждет тоскливей некуда.

Я перевела взгляд на его мать. Та казалась безмятежной, но не производила впечатления глыбы льда. Королева, вдруг сообразила я, в отличие от короля и принца Максона росла не во дворце. Она была Избранной дочерью Иллеа. Ее история вполне могла быть схожа с моей.

Король уже заговорил, но мне нужно было получить ответ на свой вопрос.

– Мама, – прошептала я, стараясь никому не мешать.

– Что?

– Королева… Кем она была? В смысле, из какой касты?

Мой интерес вызвал у мамы улыбку.

– Четверка.

Четверка. Значит, ее юность прошла на фабрике или в магазине, а может, на ферме. Интересно, как она жила? У нее была большая семья? Наверное, в детстве ей не приходилось тревожиться о еде. Завидовали ли ей друзья, когда ее выбрали? Если бы у меня были по-настоящему близкие друзья, стали бы они мне завидовать?

Глупость какая. Меня никто никуда не выберет.

Я сосредоточилась на речи короля.

– Сегодня утром было совершено очередное нападение на наши базы в Новой Азии. Войска понесли небольшой урон в живой силе, но мы уверены, что призыв, который должен состояться в следующем месяце, послужит укреплению боевого духа, а также, разумеется, значительному пополнению численности армии.

Я терпеть не могла войну. К сожалению, наше государство совсем еще молодое и вынуждено бороться за существование. Еще одно вторжение мы вряд ли переживем.

После того как король сообщил новости о недавнем рейде на лагерь повстанцев, отдел финансов просветил относительно состояния внешнего долга, а глава комитета по инфраструктуре объявил, что через два года планируется начать работы по восстановлению нескольких автомагистралей, часть которых до сих пор оставалась разрушенной со времен Четвертой мировой войны. Наконец на трибуну вышел последний выступающий, главный распорядитель.

– Добрый вечер, дамы и господа. Как вы знаете, недавно по почте были разосланы извещения об участии в Отборе. Мы получили первые данные о количестве заполненных анкет, и я рад вам сообщить, что тысячи прекрасных дочерей Иллеа уже подали заявки на участие в отборочной лотерее!

На заднем плане Максон слегка заерзал в кресле. Мне показалось, или он действительно вспотел?

– От имени королевской семьи я хотел бы поблагодарить вас за проявленное рвение и патриотизм. Если нам будет сопутствовать удача, к Новому году мы отпразднуем помолвку нашего дорогого принца Максона с одной из очаровательных, умных и талантливых дочерей Иллеа!

Немногочисленные советники зааплодировали. Максон улыбнулся, но ему явно было не по себе. Когда аплодисменты стихли, главный распорядитель снова заговорил:

– Разумеется, в эфир будет выходить множество передач, посвященных знакомству с финалистками Отбора, не говоря уже о специальных репортажах об их жизни во дворце. Для освещения этой волнующей темы мы не смогли найти лучшей кандидатуры, нежели наш замечательный, известный всем Гаврил Фадей!

Раздался очередной взрыв аплодисментов, но на сей раз звук исходил от мамы с Мэй. Гаврил Фадей был легендой. Вот уже двадцать с лишним лет он комментировал трансляции парадов, посвященных Празднику благодарности, рождественских шоу и всех прочих торжеств,

которые проводились во дворце. На моей памяти ни одно интервью с членом королевской семьи и их ближайшими друзьями не обошлось без него.

– Ах, Америка, ты сможешь увидеть Гаврила! – проворковала мама.

– Вот и он сам! – всплеснула руками Мэй.

На экране появился как обычно очень энергичный Гаврил в строгом синем костюме. Ему было лет под пятьдесят. Когда он проходил по сцене, в свете прожекторов на лацкане пиджака блеснула золотом булавка. Эта мимолетная вспышка была как значок «форте» в моих нотах.

– Добррррый вечерррр, Иллеа! – хорошо поставленным голосом пропел он. – Должен признаться, для меня огромная честь быть причастным к Отбору. Подумать только, мне выпала возможность оказаться в обществе тридцати пяти прекрасных девушек! Лишь идиот не захотел бы очутиться на моем месте! – Он подмигнул в камеру. – Но прежде чем познакомиться с очаровательными претендентками, одной из которых предстоит стать нашей принцессой, я буду иметь удовольствие побеседовать с человеком часа, нашим принцем Максоном!

Тут Максон поднялся и двинулся по застеленной ковром сцене к паре стульев, приготовленных для них с Гаврилом. Принц поправил галстук и одернул пиджак, как будто можно выглядеть еще более безупречно. Пожав Гаврилу руку, он уселся напротив и взял микрофон. Стулья были достаточно высокими, так что Максон пристроил ноги на специальной перекладине. В такой позе он выглядел несколько непринужденней.

– Ваше высочество, рад видеть вас снова.

– Спасибо, Гаврил. Мне тоже очень приятно.

Голос у Максона оказался такой же сдержанный, как и он сам. От него так и исходили волны чопорности. При мысли о том, чтобы оказаться с ним в одном помещении, я наморщила нос.

– Менее чем через месяц в вашем доме поселятся тридцать пять молодых женщин. Какие чувства вы испытываете по этому поводу?

– По правде говоря, я немного нервничаю, – рассмеялся Максон. – Представляю, как шумно будет во дворце с таким количеством гостей. И в то же время с нетерпением жду этого момента.

– Вы уже спрашивали у своего опытного и мудрого отца, каким образом ему удалось обзавестись такой прекрасной женой?

Максон с Гаврилом, как по команде, обернулись на короля с королевой, и камера крупным планом показала, как монаршие особы смотрят друг на друга, улыбаясь и держась за руки. Они выглядели искренними, но откуда нам знать, каково положение на самом деле?

– Вообще-то, еще нет. Как вам известно, ситуация в Новой Азии в последнее время серьезно обострилась, и мы с ним больше заняты военными вопросами. Так что нам было как-то не до обсуждения девушек.

Мама с Мэй расхохотались. Пожалуй, это прозвучало забавно.

– Времени у нас осталось не много, и я хотел бы задать вам еще один вопрос. Какой вы представляете себе идеальную избранницу?

Максон, похоже, слегка растерялся. Утверждать наверняка было сложно, но мне показалось, что он покраснел.

– Честно говоря, я даже и не знаю. Но в этом и заключается прелесть Отбора. В нем не будет ни единой претендентки, которая была бы в точности похожа на другую внешне, вкусом или характером. Надеюсь, что в процессе Отбора, общаясь с ними, я смогу понять, что мне нужно и чего жду от своей избранницы. – Максон улыбнулся.

– Благодарю вас, ваше высочество. Отлично сказано. Думаю, можно с полным правом заявить: не только я, но и все граждане Иллеа сейчас от всего сердца желают вам удачи.

– Спасибо, – сказал Максон, пожимая руку Гаврилу.

Камера не успела переключиться, и зрители увидели, как принц оглянулся на родителей, словно безмолвно спрашивая, все ли правильно он сказал. Но тут в кадре появилось лицо Гаврила, так что их реакцию мы не узнали.

– Боюсь, на сегодня наше время истекло. Спасибо, что смотрели «Вести столицы», и до следующей недели.

Заиграла музыка, и по экрану поползли титры.

– Тили-тили-тесто, Америка и Максон – жених и невеста, – пропела Мэй.

Я схватила подушку и запустила ее в сестру, но мне и самой было смешно. Максон казался настолько скованным и зажатым, что невозможно было представить, как кто-то вообще может быть счастлив рядом с таким пай-мальчиком.

Весь оставшийся вечер я старательно пропускала мимо ушей подколки Мэй, пока наконец не ушла в свою комнату. Мне становилось неуютно при одной мысли о том, что я могу оказаться рядом с Максоном Шривом. Дразнилки Мэй всю ночь крутились в голове и мешали спать.

Разбудил меня какой-то непонятный звук. Делая вид, что сплю, я осторожно обвела взглядом комнату: вдруг залез кто.

Тук-тук-тук.

Я медленно повернула голову к окну и увидела ухмыляющегося Аспена. Я выбралась из кровати, на цыпочках подошла к двери, плотно закрыла ее и защелкнула на замок. Потом вернулась, отперла окно и аккуратно распахнула створки.

Когда Аспен перебрался через подоконник и уселся на кровать, меня обдало жаром, который не имел никакого отношения к по-летнему теплой погоде.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала я, улыбаясь в темноте.

– Я должен был тебя увидеть, – выдохнул он мне в щеку, а потом обнял и увлек на постель.

– Аспен, мне столько всего нужно тебе рассказать!

– Тише. Если кто-нибудь услышит, нам не поздоровится. Просто дай мне на тебя полюбоваться.

Я повиновалась. Мы лежали рядышком неподвижно и молча, и Аспен смотрел мне в глаза. Вдоволь наглядевшись, он уткнулся носом в щеку и волосы. Его руки скользнули от моей талии к бедрам, потом поднялись, и так снова и снова. Дыхание у него участилось, и я тоже вдруг начала задыхаться.

Его губы, прежде легонько щекотавшие мою шею, перешли к поцелуям. У меня вырвался прерывистый вздох, потом еще и еще. Губы Аспена скользнули по шее к подбородку, нашли мои губы и накрыли их, надежно заглушив производимые мной звуки. Я прижималась к нему; наши тела сплелись в торопливых объятиях в жаркой влажной ночи и покрылись испариной.

Это было преступное удовольствие.

Наконец Аспен ослабил свой неистовый натиск, хотя мне совсем не хотелось останавливаться. Но нам нужно сохранять благоразумие. Если мы зайдем слишком далеко и правда выплывет наружу, оба попадем в тюрьму.

Это одна из причин, почему все женились молодыми – ждать было мучительно.

– Мне надо идти, – прошептал он.

– А я желаю, чтобы ты остался.

Мои губы почти касались его уха. Я вновь ощутила запах мыла Аспена.

– Америка, когда-нибудь ты будешь засыпать в моих объятиях каждую ночь. И просыпаться от моих поцелуев каждое утро. И не только от них. – (При мысли об этом я закусила губу.) – А сейчас мне нужно идти. Не стоит испытывать судьбу.

Я вздохнула и расцепила руки. Все правильно.

– Америка, я люблю тебя.

– И я тебя.

Воспоминаний об этих тайных мгновениях должно хватить, чтобы помочь мне выдержать все: мамино разочарование из-за моего провала на Отборе; работу, которой необходимо было заниматься, чтобы помочь Аспену накопить денег; неизбежный скандал, когда любимый придет к папе просить моей руки. А еще – трудности, что выпадут на нашу долю после свадьбы. Все это неважно. Неважно, если со мной будет Аспен.

Глава 5

На следующей неделе я опередила Аспена и появилась в нашем домике на дереве первой.

Пришлось попотеть, чтобы поднять все необходимые вещи без лишнего шума, но все получилось. Я как раз заканчивала в очередной раз переставлять тарелки, когда услышала, как кто-то забирается на дерево.

– Ppp!

Аспен вздрогнул от неожиданности и рассмеялся. Я зажгла новую свечку, купленную специально для нас. Он подошел и поцеловал меня, потом я принялась рассказывать ему обо всем, что случилось за неделю.

– Я же так и не рассказала тебе, как подавала заявку! – спохватилась я. Меня так и распирало от новостей.

– Ну и как все прошло? Мама сказала, там была куча народу.

– Это было настоящее безумие. Видел бы ты, как некоторые разоделись! И ты, наверное, уже в курсе, что это не вполне лотерея, как нас уверяют. Я с самого начала была права. В Каролине полно куда более интересных девушек, чем я. Не стоило и затевать все это.

– Все равно спасибо, что выполнила мою просьбу. Для меня это очень важно.

Его глаза были по-прежнему прикованы ко мне. Больше ни на что вокруг он просто не смотрел. Впитывал меня взглядом, как обычно.

– Ну, во всей этой истории есть один замечательный момент. Поскольку мама не подозревала, что я уже пообещала тебе участвовать, она сделала мне заманчивое предложение в обмен на заявку.

Я не смогла удержаться от улыбки. Многие семьи уже начали закатывать праздники в честь своих дочерей, отчего-то уверенные, что именно их кровиночку выберут для состязания в Отборе. На этой неделе я пела уже на семи таких праздниках, втискивая по два в вечер. Все ради того, чтобы побольше заработать. Мама честно держала слово. Я и не предполагала, как это здорово, иметь собственные деньги.

– Заманчивое предложение? И что же она предложила? – живо заинтересовался Аспен.

– Деньги, разумеется. Смотри, я приготовила для тебя пир!

Я оторвалась от него и принялась придвигать к нему тарелки. Ужин я специально готовила с размахом, чтобы Аспену осталось побольше. А до этого несколько дней подряд пекла пирожки. Мы с Мэй ужасные сластены, и она была в восторге от того, на что я трачу заработанные деньги.

– Что это?

– Еда. Сама готовила.

Я едва не лопалась от гордости. Наконец-то Аспен наестся досыта! Но он лишь посмотрел на тарелки, и его улыбка померкла.

– Аспен, что-то не так?

– Это неправильно. – Он покачал головой и отвел взгляд от еды.

– То есть как?

– Это я должен о тебе заботиться. Мне стыдно, что ты все это для меня делаешь.

– Но я же всегда тебя кормлю.

– Тем, что у вас остается. Я, по-твоему, ничего не вижу? Брать то, что не нужно вашей семье, мне не стыдно. Но когда ты специально… Это я должен….

– Аспен, ты все время что-то мне даешь. Ты обо мне заботишься. Ты каждый раз приносишь мне…

– Медяки? Думаешь, стоит сейчас поднимать эту тему? Неужели ты не понимаешь, как это унизительно? Я люблю слушать, как ты поешь, но не могу заплатить тебе по-настоящему, как все.

– Ты вообще не должен мне платить! Это подарок. Я с радостью отдала бы тебе все, что у меня есть!

Я понимала, что мы не должны шуметь. Но мне стало на это наплевать.

– Америка, я не нуждаюсь в подачках. Я мужчина и должен быть добытчиком.

Аспен запустил пальцы в волосы. Он тяжело дышал.

Как всегда в наших спорах, он пытался обдумать свою позицию. Только на этот раз в его взгляде было что-то другое, незнакомое. Вместо обычного сосредоточенного выражения на его лице мало-помалу проступала растерянность. Весь мой гнев как рукой сняло. Он выглядел таким потерянным, что я почувствовала себя виноватой. Я хотела побаловать его, а не унижать.

– Я люблю тебя.

– Америка, я тоже тебя люблю, – покачал он головой.

Но он по-прежнему не смотрел на меня. Я взяла кусок хлеба, который испекла сама, и вложила ему в руку. Аспен был слишком голоден, чтобы не откусить.

– Я не хотела тебя обидеть. Думала, отпразднуем.

– Нет, Мер, я очень тебе благодарен. Я верю, что ты все это сделала ради меня. Просто… Просто ты не представляешь себе, как мне тошно, что я не могу дать того же тебе. Ты заслуживаешь лучшего.

Я порадовалась, что все это он говорит, не прекращая жевать.

– Выброси эти мысли. Когда мы с тобой наедине, я не Пятерка, а ты не Шестерка. Мы просто Аспен и Америка. И никто, кроме тебя, мне не нужен.

– Но я не могу выкинуть это из головы. Меня так воспитывали. С самого детства я только и слышу: «Шестерки рождены для услужения» и «Шестерки должны быть незаметными». Всю жизнь меня учили быть невидимкой. – Он стиснул мою ладонь. – Мер, если мы с тобой будем вместе, тебе тоже придется стать невидимкой. А я не хочу для тебя такой участи.

– Аспен, мы уже сто раз это обсуждали. Понимаю, что все изменится, и готова к этому. Не знаю, как еще это объяснить. – Я прижала руку к сердцу. – Как только ты поймешь, что созрел, я в тот же миг отвечу тебе согласием.

Было очень страшно вот так обнажать свою душу, признаваться в том, насколько глубоки мои чувства. То, что я произнесла, давно ему известно. Но если, поставив себя в уязвимое положение, помогу ему найти в себе мужество, я это вынесу. Аспен заглянул мне в глаза. Если он пытался обнаружить там сомнение, то лишь зря тратил время.

– Нет.

– Что?

– Нет.

Это прозвучало как пощечина.

– Аспен?

– Не понимаю, каким образом я мог тешить себя иллюзиями, что из этого может что-то получиться.

Он снова запустил руки в волосы, как будто пытался избавиться от неправильных мыслей.

– Но ты только что признался мне в любви!

– Мер, я действительно тебя люблю. В том-то все и дело. И не хочу, чтобы ты жила так же, как я. Мне невыносимо даже подумать, что ты будешь голодать, мерзнуть или жить в страхе. Ты не станешь Шестеркой. Я не могу этого допустить.

В горле стоял ком, на глаза навернулись слезы. Нет. Он это не всерьез. Такого просто не может быть. Но прежде чем я успела сказать что-либо, Аспен попятился к выходу из домика.

– Куда… куда ты?

– Я ухожу. Домой. Прости, что так с тобой поступил. Америка, все кончено.

– Что?

– Все кончено. Я больше не приду. Так не может продолжаться.

Я расплакалась.

– Аспен, пожалуйста. Давай поговорим. Ты просто расстроен.

– Я опечален куда сильнее, чем кажется. Но не из-за тебя. Мер, я не могу так. Не могу.

– Аспен, пожалуйста!

Он крепко прижал меня, поцеловал – по-настоящему поцеловал – в последний раз и ушел в ночь. А я не могла его даже окликнуть из-за законов нашей страны, вынуждавших нас скрываться. Не могла в последний раз сказать, что люблю его.

Домашние явно заметили, что в последние дни со мной творится что-то неладное, но, видимо, списывали все на волнение по поводу Отбора. Хотелось плакать, но я сдерживалась. Мне нужно дожить до пятницы. Я надеялась, что после того, как «Вести столицы» передадут имена финалисток, все вернется в нормальное русло.

Я раз за разом рисовала в своем воображении эту картину. Я представляла, как победительницей от нашей провинции объявят Селию или Камбер. Мама, конечно, будет разочарована, но не настолько, как если бы победила совсем незнакомая девушка. Папа и Мэй обрадуются: наши семьи дружили. Я знала, что Аспен должен думать обо мне, как я о нем. И готова была биться об заклад, что он появится у нас на пороге прежде, чем закончится программа, умоляя меня простить его и выйти за него замуж. Конечно, это будет слишком поспешно, поскольку девушкам еще никто ничего не обещал, но он сможет списать все на общую атмосферу дня. В такой день многое прощается.

В моем воображении все устраивалось просто прекрасно и все были счастливы.

До начала «Вестей» оставалось еще десять минут, но все уже устроились перед телевизором. Полагаю, мы были не одни такие, кому не терпелось скорее узнать результаты.

– Я помню, как выбирали королеву Эмберли! О, я с самого начала знала, что она победит!

Мама готовила попкорн, как будто мы собирались смотреть кино.

– А ты сама участвовала в лотерее? – спросил Джерад.

– Нет, малыш, я была на два года младше, чем требовалось. И потом, мне тоже повезло: я встретила вашего папу. – Она улыбнулась и подмигнула.

Вот это да. Мама, похоже, пребывала в отличном настроении. Не помню, когда она в последний раз проявляла к папе такие чувства.

– Ее величество Эмберли – лучшая королева на свете. Она такая умная и красивая. Каждый раз, когда вижу ее по телевизору, хочу стать такой же, – вздохнула Мэй.

– Она хорошая королева, – добавила я негромко.

Пробило восемь часов, и на экране появился государственный герб и заиграл гимн. Я поймала себя на том, что дрожу. Мне очень хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

Сначала король вкратце обрисовал новости с фронта. Прочие объявления также оказались краткими. Похоже, все пребывали в хорошем настроении. Наверное, их тоже одолевало радостное волнение.

Наконец на экране появился главный распорядитель и представил Гаврила. Тот направился прямиком к королевской семье.

– Добрый вечер, ваше величество, – поприветствовал он короля.

– Гаврил, всегда рад тебя видеть, – почти легкомысленным тоном отозвался тот.

– Не терпится услышать объявление?

– О да. Я вчера присутствовал при выборе некоторых кандидатур. Все девушки очень милые.

– Значит, вам уже известны имена финалисток?! – воскликнул Гаврил.

– Всего несколько.

– А с вами его величество этой информацией, случайно, не поделился? – поинтересовался Гаврил у Максона.

– Нет. Я увижу финалисток вместе со всеми остальными, – ответил Максон.

Он явно пытался совладать с нервами.

Я вдруг поняла, что у меня вспотели ладони.

– Ваше величество, – подошел Гаврил к королеве, – что вы можете посоветовать нашим финалисткам?

Она безмятежно улыбнулась. Не знаю, как выглядели ее соперницы по Отбору, но мне сложно было представить, чтобы кто-то еще мог сравниться с ней в умении держаться с достоинством и в то же время быть такой красивой.

– Наслаждайтесь своим последним днем в роли обычной девушки. Завтра, каков бы ни был исход состязания, ваша жизнь изменится. И еще один совет, старый, но тем не менее действенный: будьте самими собой.

– Мудрые слова, моя королева. И на этом позвольте приступить к оглашению имен тридцати пяти молодых девушек, которым предстоит участвовать в Отборе. Дамы и господа, присоединяйтесь ко мне в чествовании Дочерей Иллеа!

На экране вновь появился государственный герб. В верхнем правом углу в небольшом квадратике продолжали показывать лицо Максона, чтобы зрители могли видеть его реакцию на фотографии девушек. Как и мы все, он будет составлять о них свое мнение.

Гаврил держал в руках стопку карточек, готовясь зачитать имена Избранных, чьи жизни, если верить королеве, должны были вот-вот измениться.

– Мисс Элейн Стоулз из Ханспорта, Тройка.

На экране появилась фотография миниатюрной красавицы с фарфоровой кожей. Настоящая леди. Максон просиял.

– Мисс Тьюзди Кипер из Уэверли, Четверка.

На экране – девушка с веснушками. Она была постарше первой и казалась более зрелой. Максон что-то прошептал королю.

– Мисс Фиона Кастли из Паломы, Тройка.

Брюнетка со жгучим взглядом. Пожалуй, моя ровесница, только какая-то более… опытная.

Я обернулась к родителям:

– Правда, она кажется ужасно….

– Мисс Америка Сингер из Каролины, Пятерка.

Я стремительно обернулась к телевизору и увидела ее. Мою собственную фотографию, сделанную сразу же после того, как я узнала, что Аспен откладывает деньги, чтобы жениться на мне. Девушка сияла, явно была полна надежд и смотрелась прекрасно. Влюбленной. И вероятно, какой-то идиот решил, что влюблена я в принца Максона.

За спиной восторженно завопила мама. Мэй подскочила, рассыпав по всей комнате попкорн. Джерад заплясал от возбуждения. Папа… Не уверена, но мне показалось, что он украдкой улыбается в свою книгу.

Выражения лица Максона я увидеть не успела.

Зазвонил телефон.

И в течение нескольких дней он не умолкал.

Глава 6

За последующую неделю в нашем доме перебывали полчища чиновников, призванных подготовить меня к Отбору. Первой явилась какая-то неприятная особа, похоже убежденная, что половина указанных в моей заявке сведений – ложь. Затем приехал сотрудник дворцовой охраны обсудить с местными военными меры безопасности и провести осмотр нашего дома. По всей видимости, мне не нужно было дожидаться, когда я перееду во дворец, чтобы начать опасаться возможного нападения повстанцев. Превосходно.

Дважды нам звонила некая Сильвия – особа, судя по голосу, самоуверенная и деловая, – интересовалась, не испытываем ли мы в чем-либо недостатка. Но больше всего меня порадовал визит сухопарого человечка с козлиной бородкой, который явился к нам снять мерки для моего нового гардероба. Я не была уверена, какие чувства у меня вызывает перспектива постоянно носить такие же вечерние платья, как у королевы, но с нетерпением ждала шанса попробовать.

Последний посетитель – невероятно тощий, беспрестанно потеющий тип с сальными черными волосами, зализанными назад, – побывал в нашем доме днем в среду, за два дня до моего отъезда. Ему было поручено ознакомить меня с официальными правилами. Едва переступив порог, он спросил, где можно поговорить без посторонних ушей. Это был первый звоночек.

– Пройдемте на кухню, если вы не возражаете, – предложила мама.

Тощий промокнул лоб платком и покосился на Мэй:

– На самом деле меня устроит любое место. Только я попросил бы вашу младшую дочь удалиться.

Что такого он собирался нам сказать, что не предназначено для ушей Мэй?

– Мама? – подала голос сестра, опечаленная, что ее выдворяют.

– Мэй, милая, займись живописью. За последнюю неделю ты слегка запустила занятия.

– Но…

– Пойдем, я провожу тебя, Мэй, – предложила я, заметив, как на глазах у нее выступили слезы.

В коридоре, где никто не мог нас слышать, я обняла ее и прошептала:

– Не волнуйся, вечером все расскажу. Клянусь.

К чести сестры, она не выдала нашу маленькую тайну, по обыкновению своему принявшись прыгать. Вместо этого она лишь хмуро кивнула и отправилась в свой закуток в папиной студии.

Мама налила тощему чая, и мы втроем уселись за кухонный стол. Он достал кипу бумаг и ручку, а также папку с моим именем. Когда все было аккуратно разложено, он заговорил:

– Прошу прощения за такую скрытность, но мне необходимо затронуть определенные вопросы, которые не слишком подходят для юных ушей.

Мы с мамой украдкой переглянулись.

– Мисс Сингер, как ни грубо это прозвучит, но с прошлой пятницы вы считаетесь достоянием Иллеа. С настоящего момента вы обязаны заботиться о своем теле. Вам придется подписать кое-какие документы. В случае отказа с вашей стороны вы не будете допущены к участию в Отборе. Вы понимаете?

– Да, – произнесла я осторожно.

– Очень хорошо. Начнем с самого простого. Вот вам витамины. Поскольку вы Пятерка, полагаю, полноценно питаться вам удается не всегда. Вы должны принимать по одной каждый день. Дома придется делать это самостоятельно, но во дворце у вас будут помощники.

Он придвинул ко мне объемистую банку вместе с бланком расписки в том, что я ее получила.

Я с трудом удержалась от смеха. Они что, считают, что кто-то не в состоянии съесть таблетку без контролера?

– Далее, у меня при себе заключение вашего семейного врача. Ну, тут ничего тревожного. У вас, судя по всему, прекрасное здоровье, хотя он упомянул, что в последнее время вы неважно спите?

– Э-э… ну… просто со всеми этими волнениями мне было немного не до сна.

Это была почти правда. Дни пролетали в круговерти приготовлений к отъезду, но по ночам, наедине с собой, я думала об Аспене. Это было единственное время, когда я не могла отделаться от мыслей о нем.

– Ясно. Что ж, я могу устроить так, чтобы к вечеру у вас было лекарство. Вы нужны нам отдохнувшей.

– Нет, я не…

– Да, – перебила меня мама. – Прости, милая, но у тебя усталый вид. Пожалуйста, организуйте для нее снотворное.

– Так и поступим. – Клерк сделал еще одну пометку в моем досье. – Далее. Я понимаю, что это тема интимная, но мне необходимо обсудить ее с каждой участницей, так что, пожалуйста, отбросьте стеснительность. – Он помолчал. – Мне нужно подтверждение, что вы действительно девственница.

У мамы глаза едва не вылезли на лоб. Так вот почему он настоял на том, чтобы Мэй вышла!

– Вы серьезно? – Я не могла поверить, что они подослали ко мне мужчину с подобным вопросом. В конце концов, это можно было поручить женщине…

– Боюсь, что да. Если вы не девственница, нам необходимо узнать об этом сейчас.

Ох. Еще и в мамином присутствии.

– Я знаю закон, сэр. Я же не дура. Разумеется, я девственница.

– Подумайте хорошенько. Если обнаружится, что вы сказали неправду…

– Ради всего святого, Америка никогда в жизни даже не гуляла с мальчиками! – не выдержала мама.

– Вот именно.

Я ухватилась за ее слова, надеясь, что они положат конец обсуждению.

– Очень хорошо. Вам остается только поставить вот здесь свою подпись в подтверждение вашего заявления.

Я закатила глаза, но повиновалась. Я была рада, что Иллеа существует, ведь от этой земли не осталось практически камня на камне, но все эти нормы начинали меня душить. Они, как незримые цепи, сковывали по рукам и ногам. Законы о том, кого можно любить, а кого нет, расписки в собственной непорочности – все это любого могло довести до белого каления.

– Теперь я должен ознакомить вас с правилами. Они очень просты, и у вас не должно возникнуть никаких сложностей с их выполнением. Если появятся какие-либо вопросы, спрашивайте, не стесняйтесь. – Он поднял глаза от стопки бумаг и посмотрел на меня.

– Хорошо, – пробормотала я.

– Вам запрещается самовольно покидать пределы дворца. Вы можете это сделать исключительно по распоряжению принца. Даже король и королева не имеют права заставить вас уехать. Им позволено довести до сведения принца, что они не одобряют вашу кандидатуру, но все решения относительно того, кто уходит, а кто остается, он принимает единолично. Временны́е рамки проведения Отбора не ограничены. Он может как завершиться в считаные дни, так и растянуться на многие годы.

– На многие годы?! – ужаснулась я.

При мысли о столь долгом отсутствии я едва не потеряла самообладание.

– Не переживайте. Вряд ли принц позволит Отбору сильно затянуться. Сейчас он должен продемонстрировать решительность, иначе произведет неблагоприятное впечатление. Но в том случае, если он все же примет такое решение, вы должны будете оставаться во дворце столько времени, сколько принцу потребуется, чтобы сделать выбор.

Мой страх, вероятно, отразился у меня на лице, потому что мама похлопала меня по руке. Тощий даже бровью не повел.

– Вы не должны искать встреч с принцем. Он сам позовет вас на свидание, если того пожелает. Исключение – если присутствуете на крупном мероприятии, где находится и он. Но вам запрещено приближаться к нему без приглашения. Хотя никто не требует от вас дружбы с остальными тридцатью четырьмя конкурсантками, вы не должны затевать ссоры с ними и умышленно причинять им вред. Если вы будете уличены в рукоприкладстве или оказании на другую участницу морального давления, в воровстве или любых действиях, способных ухудшить ее личные отношения с принцем, он вправе немедленно исключить вас из конкурса. Романтические отношения с кем-либо еще, кроме принца Максона, не допускаются. Если вы будете замечены в любовной переписке с кем-нибудь из ваших прежних знакомых или в отношениях с третьим лицом во дворце, это считается государственной изменой и карается смертной казнью.

На этом месте закатила глаза уже мама, хотя, пожалуй, именно этот пункт у меня тревогу не вызывал.

– Если вы будете уличены в нарушении какого-либо закона Иллеа, то понесете соответствующее наказание. Ваш статус участницы Отбора не освобождает вас от ответственности перед законом. Запрещается носить любую одежду и принимать любую пищу, кроме той, что вам предоставят во дворце. Эта мера продиктована соображениями безопасности и должна неукоснительно соблюдаться. По пятницам вы будете принимать участие в съемках репортажей для «Вестей столицы». Время от времени, но всегда по предварительному уведомлению, видео– и фотосъемка будет производиться и во дворце. Вам надлежит вести себя учтиво и не препятствовать съемкам ваших взаимоотношений с принцем. Вашей семье будет выплачиваться компенсация за каждую неделю вашего пребывания во дворце. Первый чек получите уже сегодня. Кроме того, в случае, если не станете победительницей, вам окажут содействие в адаптации к жизни после Отбора. Вам предоставят персонального помощника, который не только поможет в последних приготовлениях к отъезду во дворец, но и в поисках нового жилья и рабочего места после окончания конкурса. – Если вы попадете в десятку финалисток, вас причислят к Элите. После этого ознакомят с особенностями внутреннего распорядка и обязанностями, которые налагает положение принцессы. Пытаться разузнать что-либо ранее не разрешается. С настоящего момента вам присваивается статус Тройки.

– Тройки?! – в один голос воскликнули мы с мамой.

– Да. После участия в Отборе девушкам сложно возвращаться к прежней жизни. Двойки и Тройки справлялись отлично, но Четверкам и ниже обычно приходилось трудно. Вы теперь Тройка, но все остальные члены вашей семьи по-прежнему остаются Пятерками. В случае победы вам и всем вашим родным будет присвоен статус Единиц как членам королевской семьи.

– Единиц, – слабым эхом отозвалась мама.

– В случае победы вы выйдете замуж за принца Максона и станете коронованной принцессой Иллеа, приняв на себя все права и обязанности, налагаемые этим титулом. Вы отдаете себе в этом отчет?

– Да.

Эту часть, как бы солидно она ни звучала, осознать было проще всего.

– Очень хорошо. Будьте добры, распишитесь в том, что вы ознакомлены с официальными правилами, а вы, миссис Сингер, будьте добры поставить свою подпись в расписке о том, что получили чек.

Размера суммы я не увидела, но мама даже прослезилась. Отчаянно не хотелось уезжать из дома, но я была уверена, что, даже если меня отправят обратно на следующий же день, безбедное существование на год нам обеспечено. А когда я вернусь, от желающих услышать мое пение не будет отбоя. Так что без работы не останусь. Вот только разрешат ли мне петь, ведь я теперь Тройка? Наверное, если придется выбирать из разрешенных Тройкам профессий, я стану учителем. Смогу, по крайней мере, учить музыке других.

Тощий собрал бумаги, поднялся и поблагодарил нас за уделенное время и за чай. Теперь до отъезда мне осталось пообщаться всего с одним чиновником, выделенным мне в помощь. Ему предстояло сопровождать меня из дома в аэропорт. А дальше… Дальше мне придется справляться самостоятельно.

Гость спросил, нельзя ли, чтобы я проводила его до дверей, и мама согласилась: ей не терпелось взяться за приготовление ужина. Мне не хотелось оставаться с ним наедине. Благо хоть идти было недалеко.

– И еще один момент, – сказал чиновник, уже положив пальцы на дверную ручку. – Вообще-то, это не совсем правило, но с вашей стороны было бы неразумно его игнорировать. Получив приглашение от принца Максона, не следует отказываться. Что бы он вам ни предложил. Ужин, свидание, поцелуй, нечто большее – что угодно. Не противоречьте ему.

– Прошу прощения?

Не ослышалась ли я? Этот человек, который только что взял с меня расписку в непорочности, намекал на то, что я должна расстаться с ней, едва Максону стоит об этом заикнуться?

– Я отдаю себе отчет в том, что это звучит… неподобающе. Но вам не следует отказывать принцу ни при каких обстоятельствах. Доброго вечера, мисс Сингер.

Меня затошнило. Закон, один из тех, о которых он только что тут толковал, предписывал ждать до брака. Это был действенный способ держать в узде болезни, к тому же он препятствовал смешению каст. Незаконнорожденных выбрасывали на улицы, где они становились Восьмерками. А наказание для тех, чья незаконная связь вскрывалась, – тюремное заключение. Даже если у кого-то возникало просто подозрение, можно было провести несколько ночей в камере. Да, это помешало мне пойти на близость с тем, кого я любила, и тогда я переживала из-за этого. Но теперь, когда между мной и Аспеном все кончено, оставалось радоваться, что я вынуждена была блюсти себя.

Я была вне себя от ярости. Разве не стоит моя подпись под документом, где говорилось о неизбежности наказания в случае нарушения закона? Статус участницы Отбора не освобождает от ответственности, вот как он это сформулировал. Зато статус принца, видимо, освобождает. Я вдруг почувствовала себя грязной, ничтожнее любой Восьмерки.

– Америка, милая, это к тебе, – пропела мама.

Я тоже слышала звонок, но открывать не пошла. Окажись это очередной желающий получить автограф – не выдержала бы.

Пройдя по коридору, я завернула за угол и замерла. На пороге с охапкой полевых цветов стоял Аспен.

– Америка, привет, – сдержанным, почти деловым тоном поздоровался он.

– Привет, – слабым голосом отозвалась я.

– Это от Камбер с Селией. Они желают тебе удачи.

Он приблизился и протянул цветы. Букет от его сестер, не от него.

– Как мило с их стороны! – воскликнула мама.

Я почти и забыла, что она тоже в комнате.

– Аспен, ты очень кстати. – Я пыталась говорить так же отчужденно, как и он. – С этими сборами у меня в комнате все вверх дном. Ты не мог бы помочь прибрать?

В присутствии моей матери он не мог не согласиться. Как правило, Шестерки не отказывались от предложенной работы. Мы в этом смысле вели себя точно так же.

У него дернулись желваки, но он кивнул.

Мы пошли по коридору в комнату. Сколько раз я воображала, как Аспен переступит порог моего прибежища! Могла ли я представить, при каких обстоятельствах суждено сбыться этой мечте?

Я толкнула дверь в комнату, и Аспен расхохотался.

– Ты что, собаку подрядила заниматься сборами?

– Заткнись! Я не могла найти одну вещь. – Но я невольно улыбнулась.

Он принялся наводить порядок и складывать футболки. Я, разумеется, помогала.

– Ты что, ничего из этого не берешь? – прошептал он.

– Нет. С завтрашнего дня я смогу одеваться только в то, что мне будут выдавать во дворце.

– Ого!

– Сестры расстроились?

– Вообще-то, нет. – Он изумленно покачал головой. – Как только они увидели на экране твое лицо, все в доме словно помешались. Они без ума от тебя. Особенно моя мать.

– Твоя мама мне нравится. Она у тебя такая добрая.

Мы молча прибирались дальше. Комната мало-помалу приобретала свой обычный вид.

– Фотография… – начал он. – Ты на ней такая красивая.

Мне больно было слышать это от него. Это нечестно с его стороны. После того, как он так со мной обошелся.

– Это все из-за тебя.

– Что?

– Просто я думала, что ты вот-вот сделаешь мне предложение, – севшим голосом произнесла я.

Аспен немного помолчал, подбирая слова.

– Я хотел, но теперь это уже не имеет значения.

– Нет, имеет. Почему ты мне не сказал?

Он потер шею, очевидно что-то решая.

– Я ждал.

– Чего?

Чего он мог ждать?

– Призыва.

Это действительно проблема. Призыв мог обернуться как благом, так и наоборот. В Иллеа призыву подлежали все лица мужского пола, достигшие установленного законом возраста. Солдат выбирали случайным образом дважды в год, чтобы охватить всех, кому исполнилось девятнадцать за последние полгода. Повинность отбывали на протяжении четырех лет, демобилизовывались в двадцать три. Скоро настанет черед Аспена.

Мы, разумеется, говорили о службе, но всерьез никогда ее в расчет не брали. Наверное, нам обоим казалось, если мы не будем обращать внимание на призыв, то и он нас проигнорирует.

Плюс мобилизации был в том, что, становясь военным, ты автоматически получал статус Двойки. Правительство обучало тебя и потом платило пенсию до конца жизни. Оборотной стороной медали являлась непредсказуемость: никто не мог знать заранее, куда его пошлют. Но от родной провинции всегда отправляли подальше. Видимо, считалось, что со знакомыми людьми ты будешь более снисходительным. Можно было очутиться во дворце или в полицей-

ском управлении другого штата. Или в армии, в боевых частях. Из тех, кто попал на войну, домой возвращались очень немногие.

Если мужчина не женился до призыва, он почти всегда старался с этим повременить. Иначе в лучшем случае он обрекал свою жену на четырехлетнюю разлуку, в худшем – на раннее вдовство.

– Я не хотел так с тобой поступать, – прошептал он.

– Понимаю.

Он распрямил плечи и попытался сменить тему:

– И что же тогда ты берешь во дворец?

– Минимум одежды, чтобы было что надеть, когда меня наконец попросят на выход. Кое-какие фотографии и книги. Музыкальные инструменты, сказали, есть во дворце. Так что все уместилось вот в этот рюкзак.

Комната обрела аккуратный вид, а собранный рюкзак почему-то стал казаться огромным. Цветы, которые принес Аспен, выглядели такими яркими по сравнению с моими унылыми вещами. Или, может, просто это я все воспринимала блеклым… Теперь все было кончено.

– Негусто, – заметил он.

– Мне никогда не нужно было много, чтобы быть счастливой. Я думала, ты это знаешь.

Он закрыл глаза.

– Америка, не надо. Я поступил так, как было правильно.

– Правильно? Аспен, ты убедил меня, что у нас есть будущее. Ты заставил меня полюбить тебя. А потом уговорил принять участие в этом треклятом конкурсе. Ты знаешь, что меня отсылают во дворец практически как игрушку на потеху Максону?

Он стремительно обернулся ко мне:

– Что?

– Мне не положено отказывать ему. Ни в чем.

Лицо Аспена потемнело. Руки сжались в кулаки.

– Даже… Даже если он не захочет жениться на тебе… он может…

– Вот именно.

– Прости меня. Я не знал. – Он несколько раз глубоко вздохнул. – Но если он выберет тебя… Это будет хорошо. Ты заслуживаешь счастья.

Это стало последней каплей. Я влепила ему пощечину и прошипела:

– Ты идиот! Ненавижу! Я любила тебя! Мне был нужен ты и только ты!

В глазах у него блеснули слезы, но мне было уже все равно. Он причинил мне достаточно боли, теперь была моя очередь.

– Мне пора, – сказал он и развернулся к выходу.

– Постой. Я с тобой не рассчиталась.

– Америка, ты не должна мне платить. – Он снова двинулся к двери.

– Аспен Леджер, не смей уходить! – крикнула я.

И он замер, наконец сконцентрировав все внимание на мне.

– Когда ты будешь Единицей, этот навык очень тебе пригодится.

Если бы не его глаза, я могла бы принять эти слова за шутку, а не за оскорбление.

Я лишь молча покачала головой и, подойдя к письменному столу, вытащила все деньги, которые заработала. И сунула ему в руки все до последнего гроша.

– Америка, я их не возьму.

– Куда ты денешься? Мне они не нужны, а тебе очень даже. Если ты когда-нибудь меня любил, ты используешь их. Твоя гордыня натворила уже достаточно бед.

Я почувствовала, как в нем словно что-то сломалось. Он прекратил сопротивляться.

– Прекрасно.

– И вот еще. – Я заглянула под кровать, вытащила оттуда склянку с центами и высыпала их ему в ладонь. Одна непокорная монетка, видимо выпачканная чем-то липким, приклеилась ко дну и никак не хотела вытряхиваться. – Они всегда были твоими. Держи.

Теперь у меня не осталось ничего, что принадлежало бы ему. А когда он от отчаяния потратит все медяки, у него не останется ничего, что принадлежало бы мне. У меня защемило сердце. На глазах выступили слезы, и я глубоко вздохнула, чтобы подавить рвущееся рыдание.

– Мер, прости меня. Удачи!

Он сунул деньги в карман и выбежал из комнаты.

Я почти ожидала истерики. Думала, что буду судорожно, взахлеб плакать, но вместо этого по щеке медленно скатились всего несколько крохотных слезинок.

Потянувшись, чтобы поставить склянку на полку, я снова заметила маленькую прилипшую монетку. Я поддела ее пальцем, и она отклеилась. Теперь она одиноко болталась на дне, позвякивая. Звук был глухой и надтреснутый, он отозвался эхом в груди. Я не знала, хорошо это или плохо, но я все еще под властью любви к Аспену. Пока, по крайней мере. А может, и никогда не освобожусь. Я приоткрыла рюкзак, сунула туда склянку и застегнула.

Мэй проскользнула в комнату. Я проглотила дурацкую таблетку из тех, что предписывалось принимать каждый день, и мы с сестрой уснули в обнимку. На меня наконец-то снизошло благословенное отупение.

Глава 7

На следующее утро я облачилась в униформу Избранной: черные брюки, белая блузка, в волосах цветок, символизирующий провинцию, – лилия. Туфли надо было выбрать самой. Я остановилась на поношенных красных лодочках на плоской подошве. Решила, следует с самого начала дать всем понять, что приличной принцессы из меня не выйдет.

Скоро пришло время отправляться на площадь. Во всех провинциях сегодня должен был состояться ритуал проводов кандидаток в столицу. Не сказала бы, что я ждала собственную церемонию с нетерпением. Мне не улыбалось торчать на сцене перед целой толпой. Вся затея казалась дурацкой уже потому, что из соображений безопасности меня должны были везти на машине, хотя до площади всего каких-то две мили.

День не задался с самого утра. Кенна с Джеймсом приехали меня проводить, что со стороны сестры было очень мило, учитывая большой срок ее беременности. Кота тоже заехал, хотя его присутствие внесло дополнительное напряжение. Пока мы шли от дома до предоставленной нам машины, Кота двигался медленнее всех, чтобы немногочисленные фотографы и доброжелатели могли хорошенько его разглядеть. Папа только головой покачал.

Единственным утешением стала Мэй. Она взяла меня за руку и попыталась пробудить энтузиазм. Мы продолжали поддерживать друг друга, когда вступили на запруженную людьми площадь. Казалось, вся Каролина пришла проводить меня в путь. Ну или, по крайней мере, посмотреть, из-за чего вся шумиха.

Стоя на сцене, я четко видела границы между кастами. Маргарета Стайнс была Тройкой, и ее родители смотрели на меня волком. Тенайл Диггер – Семерка, и она посылала мне воздушные поцелуи. Высшие касты выглядели так, как будто я украла что-то, что по праву принадлежало им. Четверки и ниже радовались за меня – девушку из низов, которой повезло возвыситься. Вдруг я поняла, как много значу для всех собравшихся, хотя для каждого это было что-то свое.

Подняв голову, я попыталась сосредоточиться на лицах. Я была исполнена решимости справиться со своей задачей как можно блистательнее. Стать лучшей, высшей из низших. Мое участие в этой затее вдруг приобрело смысл. Америка Сингер – борец за права угнетенных каст.

К микрофону подошел мэр и начал витиеватую речь:

– Сегодня Каролина чествует очаровательную дочь Магды и Шалома Сингер, только что получившую титул леди, – Америку Сингер!

Толпа разразилась приветственными криками и аплодисментами. Кто-то бросил на сцену цветы.

Я слушала, улыбалась и помахивала рукой. Потом принялась оглядывать собравшихся, но на этот раз уже с иной целью.

Хотелось в последний раз увидеть его лицо. Я не знала, придет он или нет. Вчера он сказал, что я очень красивая, но держался еще более отстраненно и сдержанно, чем тогда в домике на дереве. Все было кончено, я понимала это. Но нельзя же любить человека почти два года и забыть в один миг.

Мне пришлось несколько раз обвести взглядом собравшихся, прежде чем я увидела его. И тут же об этом пожалела. Аспен стоял позади Бренны Батлер, небрежно обнимая ее за талию и улыбаясь.

Наверное, некоторые люди все же способны на мгновенную амнезию.

Бренна была Шестеркой примерно моего возраста. Довольно симпатичной, насколько я могла судить, хотя внешне у нас с ней не было совершенно ничего общего. Надо полагать, свадьба и семейная жизнь, на которую он откладывал деньги, встречаясь со мной, теперь доста-

нутся ей. Грядущий призыв, видимо, его тоже больше не волновал. Она улыбнулась ему и отошла к родным.

Неужели Бренна с начала нашего романа ему нравилась? Может, он все это время встречался с ней каждый день, а я была девушкой, которая раз в неделю кормила его и осыпала поцелуями? Мне вдруг пришло в голову, что его жизнь вовсе не ограничивалась уборкой или нудной канцелярской работой, как он об этом рассказывал.

Я была слишком сердита, чтобы плакать.

К тому же у меня были поклонники, которые жаждали внимания. Так что, ничем не дав Аспену понять, что заметила его, я вновь обратила взгляд на восторженные лица собравшихся. Я широко улыбнулась и снова замахала рукой. Не доставлю Аспену удовольствия разбить мне сердце во второй раз. Это из-за него я здесь очутилась, и теперь осталось лишь извлекать из своего положения преимущества.

– Дамы и господа, я призываю вас вместе со мной приступить к церемонии проводов Америки Сингер, нашей любимой Дочери Иллеа! – провозгласил мэр.

За спиной небольшой оркестр заиграл национальный гимн.

И снова раздались приветственные возгласы и полетели цветы. Внезапно мэр зашептал мне на ухо:

– Ты не хочешь сказать что-нибудь всем этим людям?

Я не знала, как ответить «нет» так, чтобы не показаться невежливой.

– Спасибо, но я так взволнована, что, наверное, не сумею.

Он накрыл мои руки ладонями:

– Ну разумеется, моя милая девочка. Не волнуйся, я обо всем позабочусь. Во дворце учат подобным вещам. Тебе это не помешает.

Мэр принялся рассказывать собравшимся о моих качествах, стыдливо упомянув о том, что для Пятерки я очень умна и привлекательна. Он производил впечатление человека неплохого, но даже самые хорошие представители высших каст порой вели себя невоспитанно.

Я обвела взглядом толпу и вновь наткнулась на Аспена. На его лице застыла мука. Полная противоположность выражению, которое я видела несколько минут назад, когда он обнимал Бренну. Очередная игра? Я отвела взгляд.

Мэр закончил говорить, я улыбнулась, и толпа вновь разразилась овациями, как будто он только что произнес самую великолепную речь в истории человечества.

Внезапно оказалось, что уже пора расставаться. Мици, приставленная ко мне помощница, велела быстро и без лишнего шума попрощаться с родными, после чего мы пройдем обратно к машине и отправимся в аэропорт.

Прижав меня, Кота сказал, что гордится мной. Потом, нимало не стесняясь, велел упомянуть о его творчестве в разговоре с принцем Максоном. Я вежливо вывернулась из его объятий.

Кенна расплакалась.

– Мы и так почти не видимся. Что же будет, когда ты уедешь? – всхлипывала она.

– Не волнуйся. Я быстро вернусь.

– Как же! Ты самая красивая девушка во всей Иллеа. Он влюбится в тебя!

Почему все вокруг считали, что дело только в красоте? Может, конечно, оно и так. Видимо, принцу Максону нужна вовсе не спутница жизни, с которой есть о чем поговорить, а лишь смазливая мордашка. Я поежилась, примерив на себя такое будущее. Впрочем, в Отборе участвовали куда более привлекательные девушки.

Кенну обнимать было неудобно: мешал большой живот, но мы все-таки с этим справились. Джеймс, которого я на самом деле толком и не знала, тоже со мной попрощался. Затем настал черед Джерада.

– Будь хорошим мальчиком, ладно? Попробуй игру на пианино. Готова спорить, у тебя талант. Когда вернусь, проверю, чему ты без меня научился.

Джерад лишь молча кивнул, внезапно погрустнев. Потом обхватил меня худенькими руками:

– Америка, я люблю тебя.

– И я тоже тебя люблю. Не грусти. Я скоро буду дома.

Он снова кивнул, но скрестил руки на груди и надулся. Я и не предполагала, что он так воспримет мой отъезд. Зато Мэй вела себя совершенно предсказуемо. Она едва не подскакивала от возбуждения.

– Ах, Америка, ты станешь принцессой! Я знаю!

– Тише! Я предпочла бы превратиться в Восьмерку и видеться с тобой каждый день. Веди себя хорошо, ради меня, и не ленись.

Она кивнула и все-таки подпрыгнула, а потом настал черед папы, едва сдерживавшего слезы.

– Папа! Не плачь. – Я прижалась к его груди.

– Послушай меня, котенок. Выиграешь или нет, для меня ты всегда будешь принцессой.

– Ох, папа!

Я наконец расплакалась. Страх, грусть, тревога, напряжение последних дней прорвались наружу после одной фразы, смысл которой заключался в том, что все это неважно.

Если я вернусь назад униженная и отвергнутая, он все равно будет мной гордиться.

Это невыносимо – знать, что тебя так любят. Во дворце меня будут окружать десятки охранников, но едва ли я могу представить место более надежное, чем отцовские объятия. Я отстранилась и потянулась к маме.

– Делай все, что тебе скажут. Постарайся перестать дуться и улыбайся. Веди себя хорошо. Держи нас в курсе. О! Я так и знала, что ты окажешься особенной.

Я понимала, что все это она говорила от любви, но сейчас мне нужно было услышать не это. Ну почему она не могла подтвердить, что я и так для нее особенная, как только что сделал папа? Но наверное, мама всегда будет хотеть большего для меня. И от меня. Возможно, это у матерей в крови.

– Леди Америка, вы готовы? – спросила Мици.

Собравшиеся на площади не видела моего лица, и я поспешно утерла слезы.

– Да. Мы закончили.

Рюкзак дожидался меня в сверкающей белой машине. Ну вот и все. Я направилась к спуску со сцены.

– Мер!

Этот голос я узнала бы где угодно.

– Америка!

Я обернулась и увидела руки Аспена. Он пробивался к сцене, расталкивая толпу. Его бесцеремонные тычки вызывали у окружающих возгласы протеста.

Наши глаза встретились.

Он остановился, глядя на меня. Его лицо было непроницаемо. Что он сейчас испытывал? Тревогу? Раскаяние? Что бы то ни было, уже слишком поздно. Я покачала головой. Хватит с меня Аспена с его играми.

– Сюда, леди Америка, – с нижней ступени позвала меня Мици.

Я не сразу отреагировала на новое имя.

– Пока, солнышко, – донесся мамин голос.

И меня повели прочь.

Глава 8

В аэропорт я приехала первой, и просто сказать, что была в ужасе, значит ничего не сказать. Эйфория от восторга толпы провожающих выветрилась, и я осталась один на один с кошмарной перспективой полета. Я пыталась взять себя в руки. Предстояло лететь вместе с тремя Избранными. Меньше всего хотелось, чтобы случился приступ паники у них на глазах.

Я уже выучила имена, лица и касты всех Избранных. Вначале это было чем-то вроде психотерапии, призванной меня успокоить. То же самое и с фрагментами их биографий. Я разглядывала приветливые лица, пытаясь найти девушек, с которыми смогу общаться, пока буду находиться во дворце. У меня никогда не было настоящих подруг. В детстве большую часть времени я играла с Кенной и Кота. Обучала меня мама на дому, она же была единственной, с кем я работала. Когда старшие брат и сестра стали жить самостоятельно, я посвятила себя Мэй и Джераду. И Аспену…

Но с Аспеном мы никогда не были просто друзьями. С того самого мгновения, как узнала его, я влюбилась.

А теперь он держал за руку другую девушку.

Повезло, что оказалась одна. На глазах у других претенденток я бы не справилась со слезами. Все внутри болело. И поделать тут ничего нельзя.

Как я вообще здесь очутилась? Еще месяц назад моя жизнь казалась чем-то незыблемым, а теперь от нее не осталось и камня на камне. Все новое и незнакомое. Новый дом, новая каста, новая жизнь. И все из-за дурацкого листка бумаги с фотографией. Мне хотелось сесть и рыдать, оплакивая все, что я потеряла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.